

правда, это не так. Ты так этого достойна — ты именно такая женщина, которую нельзя достаточно любить, достаточно ценить, ласкать, целовать, и охранять, и ограждать от всего скверного, от всего грустного и тяжелого, — да, потому что ты такая чуткая, такая нежная, — недаром я также тебя прозвал „вифлеемской звездочкой“, именно по той причине, что ты так легко завядаешь — помнишь, как уже давно я это про тебя сказал, это было тогда, когда мы ходили часто по гатчинским лесам и полям вместе и собирали цветы».

И все в том же духе — на многих страницах. Из их оживленной переписки видно, что и Наташа прекрасно владела словом, она умела добиваться своего от Михаила. В день рождения великого князя 22 ноября 1909 г. (по старому стилю. — *Ред.*) она написала следующее письмо: «Мой дорогой ангел, мой Миша, благодарю тебя за твою вторую телеграмму, я ее получила довольно поздно вечером. Я так ценю, что ты в такой радостный для тебя день хотел показать мне, что думал все время обо мне, я так тронута, нежно целую тебя, все твое дорогое, прелестное лицо. Миша, если бы ты знал, до какой степени я все время мысленно с тобой. Твой образ все время и неотступно в моей душе, и мне кажется, никогда еще так глубоко и страстно я не любила тебя, как эти дни. Я так хотела бы лично тебя поздравить, нежно обнять и прижаться к тебе, чтобы ты чувствовал всю мою любовь, всю преданность...»

Характерно письмо, когда Наташа, уже в который раз, просит — нет, умоляет — своего возлюбленного настойчивее хлопотать насчет ее развода с Вульфбертом. Она передает слова мужа (пока еще), что если только он встретит ее на улице, то или бросится на шею и будет целовать, или застрелит, смотря по тому, что одержит верх — любовь или ненависть. Понимая, что этими словами она вызовет бурю в душе Михаила, Наталья Сергеевна пишет: «...я знаю, что я имею право искать защиты против того, чтобы меня не принудили жить с человеком, которого я так ненавижу. Но к несчастью, я также знаю, что ты сделаешь все для других и ничего для себя и для меня. Для других, конечно, непонятна эта борьба какого-то офицера с великим князем, и кажется, что он настолько большая персона, что в состоянии оградить себя от разных гадостей, которые тот делает ему, конечно, через любимую женщину. Но вот я должна жить под этим вечным страхом, под страхом, что моего ребенка отберут и отдадут в воспитательный дом, чтобы я никогда не могла узнать его, как грозил

В[ульферт]. Скажи мне, отчего незаконному сыну одного великого князя дают графский титул, а другой великий князь не в состоянии, не может оградить себя и мать своего ребенка от такого ужаса, от возможности отобрания ребенка. Пусть даже это только угрозы, могу ли я жить спокойно... Я согласна даже, чтобы ребенка записали не как моего, а как приемыша, только чтобы тот ужасный человек не имел бы на него прав...»

После такого письма Романов немедленно ринулся в атаку, добиваясь нужного разрешения, хотя пробить стену условностей было довольно непросто. Проще оказалось уладить дело с Вульфертом: великий князь от него элементарно откупился за кругленькую сумму.

ИСПЫТАНИЯ ЛЮБВИ

Нет сомнения, Натали тоже полюбила Михаила, искренне и горячо. Однако с самого начала их отношения подвергались серьезнейшим испытаниям. Чтобы быть вместе, им приходилось жертвовать многим, а часто испытывать и нравственные муки. Иногда дело принимало столь крутой поворот, что ситуация напоминала детектив. Чего стоит одно только венчание возлюбленных (без этого они не могли). Находясь за границей, Михаил и Наташа также были под приглядом секретных агентов.

Другое вмешательство полиции в личную жизнь великого князя произошло уже в Петрограде. Он уехал на фронт, с братом вроде бы примирились: не те времена наступили, не до обид «на личном фронте». Перед отъездом сфотографировались с Наташей и вдвоем, и отдельно. Владелец фотоателье, одного из лучших в столице, попросил у них разрешения оформить витрину этими снимками, сделаны они были в феврале 1916 г. Наташа отнеслась к этой просьбе благосклонно, восприняв это как комплимент, который отчасти явился признанием ее в великосветском обществе.

Но произошел скандал. Когда о витрине узнала царица Александра Федоровна, она возмутилась и приказала петроградскому градоначальнику князю Оболенскому убрать фотопортреты «выскочки». Тот прилетел исполнять приказание в сопровождении полицейского. О случившемся Наташа известила Михаила. Оскорбление, перенесенное ими, было

*Михаил и Наталья.
Последняя фотография вместе. 1916 г.*

очень чувствительным, что видно по письмам.

Стоит вчитаться в отклик на скандал великого князя, чтобы понять его состояние. Нет, он никогда не был холодным и расчетливым человеком.

«...То, что ты написала относительно наших фотографий у BOISSONAT (ателье. – В. Г.), меня глубоко возмущает, это такое нахальство, такая возмутительная бестактность... Недаром я всегда презирал петроградское общество за их взгляды, действия и отношения, нет более продувных людей, как они; все, все дрянь, подлецы, сволочи, за редким исключением – и это мой бывший товарищ по Преображенскому полку!» (Последнее относится к Оболенскому.)

Жена его все случившееся объясняла происками царицы и, надо сказать, была недалека от истины. Александра Федоровна не одобряла даже примирение Николая с Михаилом. Что касается Натальи Сергеевны, то она женским нутром все улавливала и переживала очень обостренно. Она не понимала иногда мужа, обвиняла его в мягкотелости, в «бессловесном характере». И наставляла его в пространных эмоциональных письмах: «...я считаю, что и живя здесь ты должен так себя поставить, чтоб с тобой считались и уважали бы твои права; ты сам в этом виноват, и своей, в сущности никому не нужной, добротой распустил всех так, что твои родные смотрят на тебя как на пустое место, а все прочие – как на индейку, начиненную трюфелями, и каждый стоит и старается достать трюфель покрупнее».

Обидные слова! Но Михаил Александрович, глубоко порядочный и тактичный человек, понимал, как тяжело приходится его подруге, и все

прощал. Между прочим, его донимали сезонные обострения язвенной болезни (не до предписанной диеты было), но за время пребывания на фронте он ни разу не упомянул в письмах жене о приступах болезни.

Наталья Сергеевна старалась наладить отношения с некоторыми из родственников Михаила. Она понимала, что конфликтовать со всеми – не в характере ее мужа. Может быть, поэтому она не видела ничего зазорного в легком флирте с другим Романовым – великим князем Дмитрием Павловичем. Она называла его ласково – Ландыш, немножко покровительственно, может быть, потому что Дмитрий был значительно моложе ее. И все бы ничего, но в это время Михаил Александрович находился на фронте. И в это время он получает от своей возлюбленной письмо, в котором она пишет о Ландыше, о том, что он занял в ее душе и в ее жизни известное место и что они «всегда будут относиться друг к другу с большой и нежной симпатией» (!).

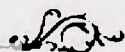
Генерал Романов был несколько смущен, прочитав эти строки, о чем он и сообщил в ответном письме. Он не знал еще всей правды: Наташа не написала ему, что Дмитрий приходил к ней в номер московской гостиницы и прямо объяснился ей в любви. Тут только Наталья остановилась, не позволив себе ничего лишнего. Благоразумие проснулось.

Михаил написал ей тогда: «Я тебе всегда говорил: я не ревнив, только когда нет причин». Впрочем, он отдавал себе отчет в том, что благосклонное внимание со стороны еще одного великого князя его жена, находившаяся в мощнейшей изоляции, наверное, и не могла воспринять по-другому. Для нее это был как свет в окошке. Она признавалась, что в столицах чувствует себя иногда так, словно на нее спущены волки или собаки.

В ДУХЕ ГРАФИНИ БРАСОВОЙ

Брасовское имение великого князя Михаила Романова стало на несколько лет прибежищем для его морганатической супруги. Они любили здесь бывать вдвоем, хотя это и редко удавалось. Наталья Сергеевна, стараясь забыть все придворные сплетни и интриги, решила устраивать здесь «гнездышко» в своем духе.

В этой романовской вотчине насчитывалось более девяти тысяч душ мужского пола, не знавших низостей крепостничества. Великий князь во время

своих приездов принимал крестьян, всегда откликаясь на их просьбы. После Кровавого воскресенья (волнения в 1905 г. в столице) он немедленно явился в имение. Для общественной столовой, в которой кормили сезонных работников, подарил семь коров, а для проживания отдал мужикам еще одно здание. На средства имения содержался детский приют, для каляк и немощных открыли богадельню. Всем школам бесплатно давалось топливо, а учителя получали и жалованье из средств князя.

...Нынешний глава администрации Брасовского района Сергей Лавокин сообщил корреспонденту «Российской газеты», что и власти, и население лелеют надежду приступить к восстановлению великокняжеского дворца, который сгорел во время войны. Пособием в столь сложном деле станут полотна художника Станислава Жуковского. Этого известного русского живописца Наталья Сергеевна, ставшая царским указом графиней Брасовой, пригласила в августе 1916 г., для того чтобы он написал интерьеры дворца.

Брасовский дворец и прилегающие красоты творили несколько поколений архитекторов и мастеров паркового искусства. Кого-то осенила мысль превратить склон парка, по которому можно спуститься к прудам, в изображение двуглавого орла. С третьего этажа дворца полукруглые лестницы, фонтан и причудливо разбросанные насаждения и впрямь воспринимались как образ державной птицы.

В 1888 г., в память чудесного спасения царской семьи во время крушения поезда в Борках (на том поезде был и 10-летний Миша), иноки Площанской пустыни Брасовского монастыря подарили Михаилу копию иконы Казанской Божией Матери.

Спустя 120 лет в день его памяти игумен одного из северных монастырей Митрофан привез копию этой иконы и передал ее братьям Площанской пустыни, поведав журналистам такую историю:

— Эта икона всегда находилась с Михаилом. Она была и в моленной комнате во дворце великого князя на Английской набережной, где во флигеле родился и я, недостойный, поскольку мой прадед являлся управляющим дворцом. Когда в 1917 г. матросы громили покои, моему прадеду удалось спасти икону и спрятать ее дома. Я вырос около нее. Она значительных размеров и украшена тяжелым чеканным окладом. В 1959 г. моя мама передала ее храму.

Брасово. Худ. С. Жуковский

Сегодня копия той иконы внесена в алтарь главного храма Площанской пустыни. Прерванная нить времен восстанавливается, еще в одном месте возрождается историческая справедливость по отношению к Михаилу Романову, воину и патриоту.

В обширном местном доме, почти дворце, Наталья читала письма Миши в разные годы. В переписке она находила не только излияния любви. Особенно содержательны письма в военные годы. Патриотические настроения Михаила трудно подвергнуть сомнениям. Будучи широко образованным человеком, в какой-то мере даже англофилом, Романов горячо любил Россию, не мог жить вне ее. И он был счастлив, что избранница его сердца вполне понимает и разделяет его чувства.

*Композитор С. Рахманинов
с Джорджи Брасовым*

Именно в письме Наташе мы находим взвешенное, разумное объяснение того, почему великий князь оказался на фронте, да еще в Дикой дивизии: «Тут вопрос моей совести... Мне как-то совестно в то же время быть где-то в тылу, когда русский народ (настоящие труженики и лучшие люди) проливает свою кровь за страну и за будущий мир».

В другом письме Наташе этот мужественный человек, ставший кавалером орденов Св. Георгия и Св. Владимира с мечами, пишет о своем отношении к войне: «Сколько таких несчастных героев, которые умирают вдали от родины, а еще хуже – без своих и на чужих руках... Несчастливого чеха мне одинаково жалко».

Их обширная переписка подтверждает: полноты счастья не было бы, если бы Наталья Сергеевна не поддержала своего мужа в этом основополагающем вопросе. В трудные для Родины минуты, в годы войны, она приезжала к мужу на фронт, а в тылу взяла на себя организационные хлопоты по устройству двух лазаретов.

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ СЧАСТЬЯ

В Пермь Наталья Сергеевна приехала по приглашению мужа в начале мая 1918 г., как раз на Страстную неделю. Михаила Александровича это особенно радовало. После долгой разлуки встретить вместе Пасху – да это просто подарок судьбы, награда за все, что он испытал в пермской ссылке.

Почти три месяца жил бывший великий князь в этом уральском городе. Из них 20 дней провел в одиночной камере тюрьмы с видом на старое кладбище¹. И 10 дней он был вместе со своей возлюбленной. Целых 10 дней – и всего 10...

Первое письмо из Перми Михаил написал Наташе сразу после освобождения его из тюрьмы:

«Дорогая моя Наташечка, от всего сердца благодарю тебя за оба милых письма, а также за бесконечно трудные заботы и хлопоты обо мне. Теперь, слава богу, первый шаг удался, и мы на свободе – это уже громадное облегчение. Второй шаг – отсюда выбраться и поехать к себе домой, но боюсь, что это еще не скоро будет. Я страшно тоскую без тебя, моя душечка, – пожалуйста, приезжай сюда как можно скорее. Я с сегодняшнего дня начну искать для нас помещение и, как только найду, так немедленно протелеграфирую это тебе... Я все время думаю о тебе, мой ангел, и мне ужасно обидно за тебя, что тебе приходится переживать такое ужасное время. Здесь ничего не поделать, и приходится только запастись терпением и надеяться на Бога.

...Я все время думаю о тебе, мой ангел... Храни тебя Бог. Обнимаю и целую тебя нежно. Обожаю тебя, весь твой, Миша».

Отправляя это письмо, он действительно думал, что все худшее позади. И вот свершилось – они вместе! Приехала Наташа одна, без детей – на разведку. Семилетнего сына Георгия она сумела переправить с гувернанткой в Данию, в безопасное место. Дочь Тату (Наташу), которой было уже 15 лет, оставила под надежным присмотром в Гатчине. Тата оставалась под фамилией своего родного отца, Мамонтова, так что сильно беспокоиться за ее безопасность не стоило. Несколько недель энергичная подруга Михаила Романова провела в Москве, обивала пороги советских руководителей, настойчиво добиваясь у них освобождения мужа или изменения условий его содержания.

¹ Заметим: в книге П. Быкова «Последние дни Романовых» (1927) – это было первое советское издание об убийстве царской семьи, позже она была запрещена – о первых днях пребывания Михаила в Перми написано, что «Пермский совет держал его под арестом в номерах бывшего Благородного собрания». Автор перепутал, скорее всего намеренно, тюрьму и бывшую Дворянскую гостиницу. Авт.

Сибирский экспресс доставил Наталью Сергеевну за двое суток (это быстро, учитывая, что Михаил добирался до места ссылки неделю). На перроне пермского вокзала они бросились друг к другу в объятия, как истосковавшиеся жених с невестой.

Как будто это была не Пермь, а вновь Вена 1912 г.

Те нашумевшие события, тайное венчание и брак Михаила, многих заставили переменить свое снисходительное мнение о младшем брате царя. Впрочем, и о его супруге, завоеванной великим князем в нарушение всех канонов, уложений и принципов. В успехе той операции немалую роль сыграла, конечно, она, Наталья Сергеевна. Свои недюжинные способности она еще раз проявит в 1918-м, когда выскользнет из большевистской тюрьмы да еще вывезет драгоценности, которых немало надарил ей Михаил.

Она всегда словно нюхом чувствовала приближение опасности! В воспоминаниях ее дочери Таты есть такая деталь. Перед отправкой Михаила в ссылку, это еще в Гатчине, Наталья спешно упаковывала самое ценное и... выковыривала драгоценные камни из восточных орденов, которые получал ее муж, будучи царственной особой.

«ЧТО-ТО У НИХ МНОГО ТАЙНОГО»

С такой незаурядной личностью связал свою судьбу Михаил. С такой удивительной женщиной гулял по Перми, и каждый встречный невольно провожал эту пару глазами и удивляясь, и восхищаясь.

Приехав в Пермь, Наталья Сергеевна сразу согласилась с мужем, что сначала им нужно подыскать более подходящее жилье. Семейей жить в гостинице было неудобно да и дороговато становилось, как отметил Михаил в своем дневнике. Они гуляли по городу, присматривались к домам, квартирам, которые рекомендовали местные друзья великого князя. Найти подходящее жилье оказалось не так-то просто. Продолжительная война способствовала тому, что из-за наплыва и беженцев, и военных, и специалистов эвакуированных производств население города сильно увеличилось, перевалив за 60 тысяч человек. Даже для профессуры местного университета, недавно открытого, квартирный вопрос стоял остро.

В среду, 8 мая, Михаил повез Наташу в гости, ему хотелось познакомиться жену со своими молодыми друзьями – Сергеем и Ольгой Туныцыными.

Жили они почти на окраине города, на Екатерининской улице, у женского монастыря. Ехали на двух извозчиках, потому что с ними поехал, конечно, и секретарь, верный Джонсон. Пили чай, беседовали... было весело. Хлебосольные хозяева угощали разнообразными вкусностями. Сидели часа три, потом Наташа поехала в гостиницу на извозчике, а Михаил с Джонни, как называли в своем кругу секретаря, возвратились пешком, решили размяться.

Беседуя по душам, гости и хозяева не замечали, что за ними наблюдают недоброжелательным взглядом. Прислуга Тупицыных Любовь Мисюрева, в прошлом чердынская крестьянка, допрошенная чекистами уже через неделю после похищения гражданина Романова, показывала, что Михаил встречался с ее хозяином в течение двух месяцев много раз. Для Романова уже была очищена часть дома, но он все не переезжал (не разрешали переезд власти, но прислуга этого не ведала). Михаил приезжал и с женой, они дарили Тупицыным много подарков. Мисюрева особо отметила, что при ее появлении Сергей Владимирович разговоры с гостем прекращал. И сделала для себя вывод: «Что-то у них много тайного». Она решила, что ее хозяева ждут свержения советской власти, чтобы потом рассчитаться с большевиками.

Романов с женой приезжали к Тупицыным еще не раз. Молодые хозяева усадьбы на Екатерининской показали им и пермские достопримечательности – красивые часовни и храм соседнего Успенского женского монастыря.

– Обратите внимание, Михаил Александрович, – сказал во время прогулки Сергей Тупицын. – Вот та часовня, на углу Покровской и Биармской, выстроена в честь 300-летия дома Романовых паромодчиком Иваном Григорьевичем Каменским.

Романов как-то рассеянно кивнул, ему не совсем приятны были напоминания о праздновании юбилея династии. Великий князь возглавлял попечительский совет по строительству грандиозного храма в столице по случаю юбилея. Средства на эти цели собирали со всей империи, и поступали они в Волжско-Камский банк. Но... не суждено было Михаилу Романову довести дело до конца.

...Если взглянуть со стороны, образ жизни в Перми супруги вели спокойный, размеренный. Посещали храмы. Ходили в театр.

Днем они чаще всего гуляли по берегу Камы. Раз Михаил даже уговорил Наташу сплавить на лодке в Среднюю Курью. Затем они осмотрели

Молились и в кафедральном соборе...

старое кладбище на Егошихинском мысе – местную достопримечательность. Посещали маленький рынок поблизости на Монастырской. Но любимым занятием Наташи было ходить по лавкам и магазинам, неважно каким: это и цветочный, и рыбный (в Мотовилихе), и ювелирный, и, конечно, меховой.

Впрочем, дом «мехового короля», как называли А. С. Алина, в Перми, на Сибирской улице, 19, Михаил с женой осматривали еще и как возможную квартиру. Дом гостям понравился, но Наталья Сергеевна квартира показалась мала. (Об Алиных см. выше, в разделе «В доме „мехового короля“».) Всего через несколько недель здесь пропишутся два профессора Пермского университета, их квартирные условия вполне устроят.

ПОСЛЕДНЯЯ ПАСХА (ВЗГЛЯД ПРОФЕССОРА ВЕРНАДСКОГО)

Яркое впечатление произвела эта пара и на одного университетского профессора. Это был заведующий кафедрой русской истории Георгий Владимирович Вернадский, впоследствии ставший крупнейшим историком русского зарубежья, одним из столпов евразийства, энциклопедист, автор многих книг, пособий, написанных им уже в американской эмиграции.

Их встреча произошла во время празднования Пасхи...

В тот день – это была пятница, 10 мая по новому стилю – Михаил написал в дневнике: «В половине шестого Наташа, Джонсон и я отправились

в Петропавловский собор, где служил пасхальную вечерню архиепископ Андроник, — служит он очень хорошо».

Если сравнить с воспоминаниями о встрече в храме, которые оставил нам профессор Вернадский (он был с женой Ниной), то можно представить, какая атмосфера окружала Романова в тот период. Профессор почему-то представляет дело так, что Романов жил в Перми инкогнито. Далее Вернадский выдвигает еще одну версию, связанную с исчезновением «инкогнито». Читаем:

«...В церкви было необычно много так называемых салопниц (богомольных купчих или богатых мещанок в салопках).

Служба еще не кончилась, как несколько их подошли ко мне (не знаю, почему они именно ко мне обратились) и сказали:

— Видишь, сколько нас здесь? Мы великого князя не выдадим. Веди нас на помощь к нему.

Я ответил:

— Да что же мы можем сделать? Ему легче уехать и скрыться одному.

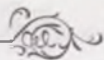
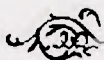
Вскоре великий князь уехал в сопровождении офицера, который (как рассказывали потом) взялся его вывезти через Сибирь на Дальний Восток, но вместо того предал его, и большевики его расстреляли».

Данный пример показывает, в каком ореоле слухов жил ссыльный гражданин Романов, всегда находясь в центре общественного внимания. Уж если профессор новой русской истории стал жертвой обманной операции чекистов по похищению Михаила («офицером» был один из боевиков), то что ж говорить о простых смертных, салопницах и пр.

На следующий день Михаил и Наташа пешком дошли до квартиры архимандрита Матвея, ректора семинарии. У них была одна цель — подыскать квартиру, им сказали, что в просторных помещениях на Монастырской Матвей может им предложить чуть ли не апартаменты. Этот вариант, однако, также не подошел.

Профессор Г. В. Вернадский

«Нас угостили кофе, пасхой, – записал Михаил впечатления о знакомстве с архимандритом. – Он, бедный, будучи нездоров, лежал в постели».

В эти светлые праздничные дни был еще один приятный сюрприз. Как мы упоминали, великая княгиня Елизавета Федоровна, также сосланная в Пермскую губернию (до отправки в Алапаевск она несколько часов находилась в Перми, в женском монастыре), успела передать Михаилу через монахинь пасхальный подарок – кофе, открытку, расписное яичко. Такой же подарок прислала заботливая женщина и бывшему императору в Екатеринбурге.

В день пасхального богослужения погода стояла весенняя. И в субботнее утро было солнечно, а вечером пошел сильный снег. К таким перепадам Романовы были непривычны.

Из участников пасхальных празднеств 1918 г. уцелеют единицы. Профессор Вернадский (1887–1973) чудом выскользнет из большевистской России. Архиепископ Андроник будет убит боевиками спустя неделю после гибели Михаила, их палачами станут одни и те же лица. Архимандрит Матвей войдет в синодальную комиссию по расследованию убийства Андроника... Вся комиссия будет расстреляна большевиками, тела их закопают у камского железнодорожного моста. Елизавета Федоровна примет мученический конец в алапаевской шахте...

РАЗЛУКА ТЫ, РАЗЛУКА, ЧУЖАЯ СТОРОНА...

События в стране, тревожное состояние в городе, нарастание ненависти в настроении большевиков заставили супругов пересмотреть свои планы. Наташа решила: надо ехать в столицу ближайшим же поездом. 17 мая они провели последний день вместе. Гуляли, обедали в гостинице. Весь вечер Наташа укладывалась, сборы затянулись, так что легли поздно. Последняя ночь... В субботу, 18 мая, сибирский экспресс опоздал на 36 часов. Наконец томительное и нервное ожидание прервалось пыхтением паровоза. Прощались «до скорого свидания», не зная, что уже не увидятся никогда. Наташа заняла маленькое купе международного класса, в котором ехала еще одна дама.

Вернувшись в гостиницу, Михаил записал: «С отъездом Наташи стало так грустно, так пусто... и все как-то кажется по-другому и комнаты изменились».

Еще в Перми они договорились, что Наташа в Москве добьется приема у самого Ленина и вытребует освобождения Михаила и разрешения покинуть страну. Ничего из этой затеи не получилось. Михаил пока продолжал свободно перемещаться по городу. Но телеграммы от Наташи теперь доставлялись сначала в ЧК и прочитывались, прежде чем вручались ему.

Однажды в магазине знакомый спросил его, почему он не сбежит, ведь он относительно свободен. Михаил ответил: «Куда же я денусь, с моим-то ростом? Меня моментально найдут».

...Нашли Михаила Александровича Романова – последнего императора России – не в беггах, а в том самом 21-м номере, где он провел 10 дней со своей любимой Наташей. Нашли идейные палачи из группы мотовилихинских боевиков, руководил ими член ВЦИК Гавриил Мясников, подпольная кличка Ганька. Он сам сравнивал себя со Смердяковым из «Братьев Карамазовых».

Выехав за границу, Наталья Сергеевна много лет будет отказываться верить в то, что ее Миша погиб. С дочерью Татой она поссорится и прервет всякие отношения; за свою жизнь та трижды (как и мать) выйдет замуж и скончается в 1969 г. в Англии. С больной матерью дочь повидается, найдя ту в богадельне, всеми забытую, впавшую в ужасную нищету и страдания.

Единственный родной сын Михаила Романова Георгий погибнет в автокатастрофе, разбившись на своем шикарном «крайслере» в Каннах в июле 1931 г. В газетах тогда появились сообщения, что гибель младшего Романова-Брасова подозрительна, что она была подстроена большевистскими агентами. Правда, позже никаких докумен-

«Красная линия». Рандеву 1

*Памяти Михаила Романова.
Худ. Л. Перевалов*

тов, подтверждающих версию с покушением советских чекистов, не появилось.

Жизнь графини Натальи Сергеевны тихо угаснет в январе 1952 г. в богадельне (с франц. 'больница милосердия'). Она завещала похоронить себя рядом с сыном, на парижском кладбище Пасси. На их могилах стоит каменный православный крест с надписями: «Сын и супруга Его Императорского Величества Михаила Российского. Принц Георгий Брасов, принцесса Наталья Брасова».

...Так получается, что лучшие, последние часы своей совместной жизни они прожили в «Королевских номерах», в пермской гостинице, которая до октября 1917-го славилась еще «русской и кав-

казской кухней под наблюдением опытных поваров». Другие опытные «повара»-боевики поставят точку в жизни Михаила Романова. Этот человек недолго был Михаилом II. Но он заслужил и любовь, и светлую память, которую лучше всего удалось выразить русскому писателю-классику Александру Куприну, помните?

«...Он простой и добрый человек. ...Он женился без разрешения престола на женщине, которую полюбил, и был за это долго в опале. Когда отрекшийся государь оставил власть в его руки, он первый сказал: я последую воле народа».

Дискуссии вокруг имени Михаила Романова продолжаются. Сторонники и противники его (помимо равнодушных, а их, надо признать, большинство) разделились на два лагеря. Одни призывают: «Возведем Михаила на престол российской известности!» А их противники отчаянно борются против всяческих позитивных событий в отношении «царских

сатрапов». Водораздел проходит прежде всего по принципу имущественного расслоения, богатства и бедности.

Однако объединить оппонентов может как раз любовная линия.

Один из моих читателей пошутил однажды перед фестивалем: «В „Живую Пермь“ ваш Михаил никогда не впишется, потому что он мертвый!» А ведь ошибся приятель. Во время фестиваля в 2011 г. в центре Перми открылся экскурсионный маршрут «Красная линия» – главный романтический маршрут, рассказывающий о месте любви и семьи в жизни знаменитых людей. Под номером первым на нем обозначена как раз остановка у «Королевских номеров», где жил Михаил Романов с супругой Натальей Сергеевной. Не случайно же истории их любви посвящен один из фильмов зарубежной серии «Великие романы XX века».

ИЗ ПЕРМСКИХ ПИСЕМ МИХАИЛА НАТАЛЬЕ

Очень важное письмо написано Михаилом Наташе за несколько дней до гибели. В нем содержится не только откровенная характеристика психологического состояния пишущего, но и видение перспектив, а также отношение к городу, в котором так наглухо заточили ссыльного¹. Датировано письмо 3 июня 1918 г.

«Моя душечка, родная, дорогая, нежная Наташа... Сколько хочется сказать, не знаю, с чего начать. Вот уже 16 дней со дня твоего отъезда отсюда. Не могу тебе сказать, до какой степени я тоскую, изнываю просто от всей этой обстановки, отвратительного, жуткого города, доведенный до угнетенности, отчаяния всем, что меня окружает, жизнью, полной неизвестности и бесцельности. Зачем я все это тебе пишу, когда ты и сама отлично все это знаешь...»

Михаил приходит в отчаяние от одной мысли, что они с женой не смогут увидеться еще два месяца, хотя и выражает слабую надежду, что, может, это случится и пораньше, если положение улучшится. Он сообщает также о своих квартирных хлопотах, т. к. в «Королевских номерах» жить становится все дороже, и плату поднимают, и повар «подает огромные счета». С таким материальным стеснением Михаил начал сталкиваться впервые в своей жизни. И между прочим, он пишет, что квартира, кото-

¹ Цит. по: Кроуфорд Р. и Д. Михаил и Наталья. Жизнь и любовь. С. 517.

Убийство Михаила Романова. Худ. Н. П. Тюрин

руку они осматривали вместе с Наташей (на Екатерининской улице, 212, в доме Тупицыных), должна была освободиться к середине июня.

Чувствуется, что автор письма – реалист, он связывает свои ближайшие планы, несмотря ни на что, с Пермью. Но в городе было объявлено военное положение, бои шли неподалеку, и воссоединение семьи откладывалось на неопределенное время.

«Мне кажется, что все затягивается, и снова нам не видется два месяца было бы слишком отвратительно. Поэтому я буду надеяться на твой приезд сюда в скором времени, но только в том случае, если здесь не будет крупных выступлений... Моя душечка Наташечка, дай Бог нам скоро снова быть вместе, если б можно было скорее возвратиться домой! Крепко обнимаю тебя и нежно, нежно целую. Да благословит тебя Бог. Весь твой мальчик».

Примечателен постскрипtum Михаила к одному из последних пермских посланий (это еще одна ремарка на тему, был ли он аполитичен). Назвав свои заметки «Ближайший политический обзор», Михаил пишет: *«У нас все наружно спокойно, хотя власти признают момент острым. Продолжаем ежедневно расписываться в Комитете «прелестей». На площадях города обучаются военной выправке, маршировке и прочим телодвижениям все железнодорожники и партийные рабочие... Город весь живет слухами и волнуется благодаря тому, что на востоке, не очень далеко, в Катином Бурге (имеется в виду Екатеринбург. – В. Г.), ковыряются не то чешские словаки, не то словацкие чехи. Говорят, они осадили „Катю“ с трех сторон, по слухам взяв Челябинск и оторвав таким образом Сибирь. Какие их дальнейшие планы, никто не знает, только наш город объявлен на военном положении...»*

И в конце – ироническая подпись: «Корреспондент-обозреватель на гастролях».

Последнее пермское письмо: *«Моя дорогая красавица Наташа, нет слов, чтобы отблагодарить тебя за все, что ты даешь мне в жизни. Наше пребывание здесь будет самым ярким воспоминанием в моей жизни. Не печалься – с Божьей помощью мы снова скоро увидимся. Пожалуйста, верь моим словам и в мою нежную любовь к тебе, моя дорогая, дражайшая звездочка, которую я никогда, никогда не покину и не обижу. Я обнимаю и всю, всю тебя целую. Весь твой, Миша» (Пермь, май 1918 г.).*

Фрагмент экспозиции Пермского краеведческого музея

VII

**ПРИЗРАК МОНАРХИЗМА
И «ПРИМИРЕНИЕ ИСТОРИИ»
(ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ)**

КУРС ДОКТОРА АВДОНИНА

Видно, это знак судьбы: романоведение в XX в. стало сферой и сотрудничества, и плодотворной конкуренции двух уральских городов-соперников – Перми и Свердловска-Екатеринбурга. Научные конференции, посвященные судьбе семьи Романовых на Урале, первым начал Свердловск, а спустя несколько лет эстафету подхватила Пермь. Автор этих строк участвовал в первых конференциях в Екатеринбурге начиная с 1997 г.

Первые Романовские чтения на Урале прошли в 1991 г., но тогда политическая обстановка помешала изданию сборника тезисов. И только спустя шесть лет в Екатеринбурге удалось провести полномасштабную конференцию, с участием Перми, с темой Михаила Романова. На сборнике вторых чтений автор-составитель доктор наук Александр Авдонин оставил мне автограф: «В память о чтениях – от редактора и художника. 9.X.97».

Тогда Александр Николаевич все брал на себя: и содержание, и художественное оформление, и неизбежные риски, которых было немало...

Александр Николаевич Авдонин – человек, первым обнаруживший останки жертв большевистской казни в доме Ипатьева. Он – председатель фонда «Обретение». Он же – член Правительственной комиссии по вопросам захоронения останков семьи Романовых. По профессии Александр Николаевич Авдонин – геолог, доктор геолого-минералогических наук, открывший несколько ценных месторождений полезных ископаемых. Страстный коллекционер, собирает марки. Но вот уже десятки лет он увлечен «не своим делом», т. е. не совсем по своему профилю. Распутыванием екатеринбургской казни, которую сразу называли трагедией века, Авдонин занялся еще в те годы, когда подобная «самодеятельность» представляла собой хождение по лезвию бритвы. Несмотря ни на что, Авдонин отдался этому опасному делу весь без остатка. Привычка докапы-

ваться до самой сути не подвела его и здесь.

Так уж случилось, что первые раунды научных дискуссий вокруг фигуры Михаила Романова прошли на «чужой» площадке – в Екатеринбурге. Я благодарен доктору Авдониному, его коллегам и соратникам, которые охотно делились своими познаниями, находками о «пермском следе». И главное – спорили. А в споре рождается истина, как известно...

Вот только один пример. В. Гладышев (г. Пермь) пишет: «...среди вновь обнаруженных первоисточников мы не имеем пока документа, который сослужил бы роль подсказки, как, например, записка Юровского в Екатеринбургском злодеянии. Но для исторического расследования важна и пермская „записка“ Ольховской...»

В примечании к тезисам этого доклада «Святого из него сделали большевики» читаем реплику редактора-составителя А. Н. Авдонина: «Записка Юровского никогда не служила подсказкой при поисках останков царской семьи. Надежной поисковой предпосылкой явилось указание П. Быкова о перемещении останков со старого рудника по Коптяковской дороге. И надежным, достоверным указанием стала фотография белогвардейского следователя Н. Соколова мостика из шпал, которым и было перекрыто место сокрытия останков»¹.

Александр Николаевич Авдонин в Ныробе

¹ Автор одного из докладов. Сборник тезисов X Романовских чтений. Екатеринбург, 2007.

Данная полемика лишь один, слабый отзвук наших жарких дискуссий тех лет... В данном обмене мнениями отразились не только поиск истины, свободомыслие и пр., но еще и культура редактирования, уважение к мнению оппонента. Надо помнить, что Г. Рябов, Э. Радзинский, бывшие единомышленники А. Н. Авдониной, в те годы отстаивали каждый свою версию...

Спустя три года, на Романовских чтениях в Екатеринбурге, состоялся очередной виток дискуссии. И отзвук ее опять же отложился в сборнике тезисов конференции. В своем выступлении я тогда счел нужным подвести первые итоги пермских поисков (увы, неутешительные): «...свердловчане помогают пермякам даже своим отрицательным опытом, „шишками“, которые они набили в ходе поиска. Из-за увлечения конспирацией и из-за других „побочных“ соображений наши соседи невольно породили стойкую оппозицию (в том числе зарубежную), которая до сих пор сомневается в подлинности „екатеринбургских останков“. Учитывая это, пермские поисковики с самого начала, с первых экспедиций конца 1990-х (проводились они по инициативе редакции газеты „Пермские новости“), старались и стараются действовать в тесном контакте с учеными и представителями власти: с археологами, с сотрудниками Пермского центра охраны памятников, с краевой прокуратурой, а также с православной епархией. В этом сотрудничестве содержится ответ тем критикам, которые ревниво и пристрастно держат под прицелом местную поисковую группу, обвиняя в некой самодеятельности...»

При издании тезисов мне «припечатали» следующее примечание редактора-составителя: «Мы „увлекались“ конспирацией при тоталитарном режиме в стране. Оппозиция возникла позднее, после изъятия останков царской семьи. Ее появление определяется главным образом большими Гражданской войны. Их предложения не только сомнительны, они их выдумывают, а выдумщики они классические – комар носа не подточит»¹.

В 2009 г. Генпрокуратура РФ реабилитировала Михаила как жертву политических репрессий, наряду с другими Романовыми, уничтоженными в Алапаевске Свердловской области. Решение было принято в ответ

¹ XII Романовские чтения. Екатеринбург. 2010. С. 141.

на запрос пермского краевого отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Конференции в Перми, ставшие традиционными, медленно, но верно способствуют сближению позиций ученых, консолидации общества, восстановлению исторической справедливости и в немалой степени примирению различных ветвей гражданской, научной общественности.

В середине 1990-х до Перми дошло строгое распоряжение из Российского дворянского собрания. По мнению московских новых дворян, нельзя в таком деле отдавать все «на откуп» общественности, нужно создать официальную комиссию при городской администрации, чтобы все держать под контролем, чтобы не получилось так, как в Свердловске с раскопками в Ганиной Яме...

Опять соседи. И какая символическая, знаковая перекличка! У них – Ганина Яма, у нас – Ганька (Мясников)... Но екатеринбургские останки, как бы то ни было, с нарушениями технологии поисков или без, все же обнаружили, провели все необходимые экспертизы. Теперь дело за церковью, признание ею останков подлинными только вопрос времени.

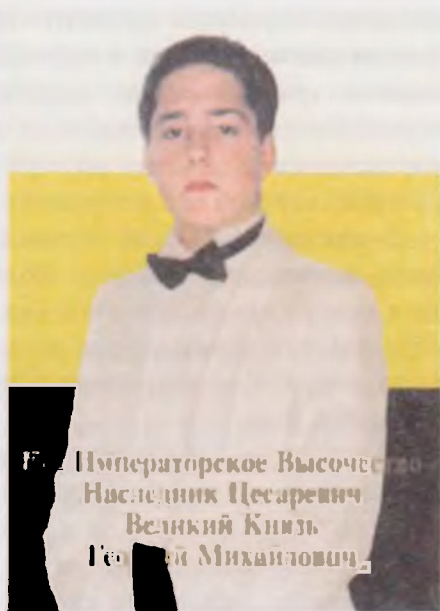
А вот с поиском захоронения Михаила Романова дело застопорилось. Как сказал представитель православной церкви Перми, «все промыслительно, значит, мы недостойны иметь останки Михаила Романова». Можно здесь добавить – и останки архиепископа Андроника, новомученика? Они ведь также не обнаружены...

ВСЕ СМЕШАЛОСЬ В ДОМЕ РОМАНОВЫХ... (О ПРИМИРЕНИИ ПОТОМКОВ)

Историки пришли к выводу, что убийство членов дома Романовых (18 человек) было осуществлено по единому плану действий, из одного центра и с одной целью – разрушить саму идею монархии, разрушить страну, о чем писал еще первый следователь по этому уголовному делу Н. А. Соколов. Те же люди, идейные вдохновители преступления, всяческими способами старались внести семена раздора и разложения среди самих августейших лиц, а также тех людей, кто интересовался судьбой дома Ро-

*Хлеб соль для Романовых.
Великие княгини Мария Владимировна,
Леонида Георгиевна...*

*Г. Императорское Высочество
Наследник Цесаревича
Великий Князь
Георгий Михайлович.*

*...и возможный наследник трона
Георгий (1998 г.)*

мановых. И эта деятельность не закончилась. К числу самых изощренных форм разлагающей работы относится распространение версий о «спасении членов царской фамилии», «разоблачения» претендентов на главенствующую роль среди потомков Романовых и т. п.

«Мы долго-долго ждали этого момента – приехать сюда, познакомиться с вашим краем и в особенности помолиться здесь за всех: и наших родственников, и тех, кто, к сожалению, покинул нас в этих краях.

Это большое утешение, что мы могли помолиться здесь. Но моления – это грустная часть нашей поездки. Есть и радостная: видеть, что люди нас не забыли, что-то изменяется к лучшему. Как после снега вдруг появляются подснежники – это я говорю о возрождающихся и новых церквях. И это тоже большая радость...»

Так вспоминала о своей поездке на Урал, в Прикамье, великая княгиня Мария Владимировна, глава императорского дома Романовых. Летом

1998 г. она, ее мать, великая княгиня Леонида Георгиевна (ныне уже покойная), и цесаревич Георгий совершили духовное паломничество по Пермскому краю. Высокие гости посетили Белогорский монастырь, осмотрели его окрестности. Истово молились у царского креста. Приезд главы дома Романовых на Урал проходил в несколько иной обстановке, нежели в 1993 г., во время их путешествия в Алапаевск и Екатеринбург, хотя цель поездки великих княгинь с цесаревичем Георгием оставалась прежней – духовное паломничество по местам страданий царственных мучеников. Но прием паломников был заметно более скромным, не появлялось и больших толп любопытствующих «подданных».

Связано это прежде всего с тем, что высокие гости не участвовали в церемонии захоронения останков семьи Николая Романова, их приближенных и слуг в Санкт-Петербурге. Как известно, есть ряд расхождений по вопросам идентификации екатеринбургских останков, в связи с чем Мария Владимировна, ссылаясь на решение тогдашнего патриарха Алексия, который не поехал в Санкт-Петербург, тоже воздержалась от участия в захоронении.

Романовы добрались до Ныроба, где в начале далекого XVII в. был умищивлен боярин Михаил Романов, дядя первого русского царя. Во время приема в администрации г. Перми автор книги спросил у наследника, каковы самые сильные впечатления от путешествия.

Последовал очень выразительный ответ:

– Мы оказались там, где обрываются все дороги!

Георгий большую часть времени живет во Франции, учился в Мадриде, в английской школе, затем в Оксфордском университете в Англии. По-русски он говорил с акцентом. Изучал родной язык с помощью профессора и семьи, но общения с соотечественниками, судя по выговору, ему явно недостает. В России у Романовых-Кирилловичей есть свой дом с лета 1996 г.: тогда Правительство РФ предоставило семье пустующую государственную дачу в подмосковном поселке Калчуга. Здесь останавливалась обычно Леонида Георгиевна во время своих приездов. Во время визита Романовых в Пермскую область немногим счастливицам, присутствовавшим при встречах августейших гостей в храмах, дарили портреты наследника. Изданы они к его династическому совершеннолетию. Свой особый статус наследника короны Российской импе-

рии Георгий вполне осознает, поскольку его готовили к этому с детства. Помимо бесед с дедом, великим князем Владимиром Кирилловичем (он умер в 1992 г., похоронен в родовой усыпальнице Петропавловского собора в Санкт-Петербурге), более всего помогали осознанию им своего избранничества поездки в Россию начиная с 1991 г., когда мальчику было 10 лет. И конечно, православная церковь. Отношение к церкви, к вере в семье Романовых традиционно серьезное. Георгий с малых лет принимал участие в богослужениях. Спокойно выдерживал наследник длительные службы в алапаевских и скатеринбургских церквях, даже когда он был еще совсем мальчиком, и спустя годы так же достойно держался в храмах Перми, Чердыни, Ныроба, в Белогорском монастыре. Вспомнились строки из стихотворения Игоря Долнво-Добровольского «Первый ээк»:

*Русский трон и пуст и обездолен.
Кто музейный тлен с него сметет?
Юный принц Георгий Гогенцоллерн
С матерью в Испании живет.
По-немецки – принц. Для нас – царевич.
Немца ль, русского сильнее кровь?
Свежий плод на родословном древе.
Мать-история, спеши, готовь!*

На представительской фотографии Георгия есть надпись: «Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич Великий Князь Георгий Михайлович». Некоторых в этой подписи смущает отчество. Родной отец мальчика, немецкий принц, недолго пользовался русским именем Михаил Павлович и великокняжеским титулом, присвоенными ему, после того как он принял православие. После развода с Марией Владимировной Франц-Вильгельм довольствовался титулом прусского принца. Обстоятельство это вызвало дополнительную неразбериху в доме Романовых. Династические споры эхом отзывались в российской глубинке, и в толпе у Белогорского храма, ожидавшей августейших паломников, также нашлись любители перемывать романовские косточки. Впрочем, о какой чистоте крови можно говорить, если еще с XVIII в. в доме Романовых было

столько «рокировок», в том числе и кровавых! В Перми подобные вопросы с гостями, разумеется, не обсуждали. Романовы говорили о том, что их волнует, о покаянии например. Возможностей для того, чтобы подвигнуть людей к общенациональному покаянию и примирению, немало. Например, общими усилиями увековечить память безвинно убиенных на уральской земле великого князя Михаила Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны.

– Мы видим, – отметила Мария Владимировна, – что сегодня народ в массе своей понял суть трагедии, произошедшей много десятилетий назад на пермской земле. И церковь делает все возможное для такого понимания. Общая трагедия должна объединить нас. Мы все будем молиться за упокой души погибших... Надеемся, что Господь вразумил многих людей, взявших на себя тяжкий грех, и мы им это прощаем.

– Наше путешествие было чисто религиозным, – добавила Леонида Георгиевна. – Для нас был важен контакт с народом. Мы понимали, что есть какая-то надежда, что нужно молиться и помочь нашему народу, когда это станет возможным.

Эта фраза августейшей собеседницы живо напомнила высказывание ее покойного мужа великого князя Владимира Кирилловича. Он любил повторять: «Престол нельзя бросить на произвол судьбы, всем должно быть ясно, что он не пустует. Мы живем почти по девизу скаутов: „Всегда готов!“»

«Вопрос о том, вводить ли в стране конституционную монархию, должен решать сам народ России...» – повторяют представители Кирилловичей, одной из трех ветвей Романовых. Несмотря на некоторые трения между представителями разных ветвей Романовых, мнение великой княгини Марии Владимировны остается неизменным: «Мы должны объединять всех, быть символом объединения и возрождения России».

Среди пермяков у представителей Кирилловичей много сторонников. И далеко не случаен живейший интерес потомков Романовых к судьбе и наследию игумена Серафима. В свое время именно отец Серафим (Кузнецов) встал на защиту царской фамилии от клеветников. Статья, опубликованная им в журнале «Голос долга» в 1916 г., так и называлась «Оклеветанная семья»... Статья игумена перепечатана в первом номере

благовестника «Святоотечество», изданного братством преподобномученика Варлаама Белогорского в 1997 г.¹

Приезд главы дома Романовых на Урал в 1998 г. проходил в несколько иной обстановке, нежели за пять лет до этого, хотя цель поездки великих княгинь с цесаревичем Георгием была вроде бы та же – духовное паломничество по местам страданий царственных мучеников. Но прием паломников был заметно более скромным, не появилось и больших толп любопытствующих «подданных», каковые мне довелось наблюдать во время прошлого их путешествия в Аланаевске и Екатеринбурге.

Связано этокое увядание интереса к августейшей семье и с изменениями ситуации в России, конечно, но прежде всего с тем, что наши гости не участвовали в церемонии захоронения останков семьи Николая II и их приближенных и слуг в Санкт-Петербурге. Явный просчет, который многие расценивают даже как политическую и стратегическую ошибку нынешних наследников. Да и просто по-человечески осталось непонятным главное. Горе способно объединять и сближать людей. Уникальная ситуация возникла. В Санкт-Петербург – впервые в истории! – съехались практически потомки всех ветвей семьи Романовых: Николаевичи, Константиновичи, Михайловичи... Можно предположить, что непросто далось решение участвовать в последних проводах царской семьи и Борису Ельцину. Но... «Ея Императорское Высочество государыня великая княгиня Мария Владимировна не может возглавить церемонию, своей поспешностью и неподготовленностью лишний раз оскорбляющую память царственных мучеников» (цитируем заявление, распространенное собственной канцелярией главы дома Романовых). Эту же позицию, только в менее решительных тонах, со ссылками на решение тогдашнего патриарха, повторили гости и в Перми. В итоге уровень приема паломников оказался подчеркнуто заниженным. Не нашел времени встретиться с Романовыми губернатор, не стал прерывать своего лечения в санатории «Ключи» даже правящий архиепископ Пермской епархии и «протча, протча, протча», как писали в старые времена.

Да ведь и в самом деле: о каком «оскорблении» идет речь, если в захоронении участвовал глава государства? Не совсем понятны и обвинения

¹ Гладышев В., Кудрина А. *Свет Белой горы. Пермь. 2001, 2003. С. 24–37.*

в торопливости, когда история с останками тянулась истинно по-русски уже многие годы, были проведены многочисленные экспертизы, плановые и «по заявкам». И только ленивый из российских политиков не попытался нажать на «деле с останками» какой-нибудь капиталец. Впрочем, можно предположить, что Борис Ельцин крупно подвел данных Романовых тем, что свое решение о приезде на церемонию принял в последний момент. Пересматривать свою позицию с точностью до наоборот наследникам было бы уже неприлично. Подвело и окружение, составившее заявление главы императорского дома слишком уж в резких, непримиримых тонах. В итоге раскола избежать не удалось.

Какое же тут «оскорбление», если и в пермском регионе аукнулось историческое событие: как раз в день приезда Романовых пенсионеры, перекрывшие трамвайное движение у здания администрации, обвиняли власти и в том, в частности, что «на пышные церемонии захоронения царей деньги находятся, а на пенсии – нет».

Тут надо учесть и такой момент. Организаторы похорон подчеркивали, что в северной столице предавали земле останки отрекшегося от трона царя, т. е. они вынуждены были реагировать на настроения в российском обществе. И не случайно российский «Дворянский вестник»¹ в статье «К 120-летию великого князя Михаила Александровича» называет младшего брата Николая Второго «последним царем Михаилом Вторым», приводя многие законные акты на тему престолонаследия. И во время пребывания в Перми паломники могли бы учесть этот немаловажный фактор.

Прямо скажем, возможностей для того, чтобы продвинуть в народ настроение консолидации, очищения немало. Ныне же в деле увековечения памяти Михаила Александровича мы почти в начальной позиции.

В эксклюзивном интервью, данном нам перед самым отъездом, великая княгиня Леонида Георгиевна, мать главы императорского дома (ныне уже покойная), сказала, что останки Михаила Александровича обязательно нужно продолжать искать, довести дело до конца. К этому выводу они пришли, познакомявшись со всеми версиями и побывав на одном из предполагаемых мест трагедии.

¹ 1998. Май.

...Весной 2010 г. была возобновлена церемония вручений ордена Св. Анны гражданам России. Награду вручали представители императорского зарубежного дома Романовых. С этим не согласился князь Дмитрий Романович Романов, глава благотворительного фонда «Дом Романовых для России», живущий в Дании. Как рассказал в радиointервью официальный представитель в России Ассоциации членов семьи Романовых Иван Арцишевский, у разных Романовых до сих пор существуют и разные мнения на сей счет. Напомним, что орден Св. Анны был учрежден в 1735 г. и был упразднен властями после Октябрьской революции. Орден сохранен в эмиграции домом Романовых как династическая награда.

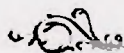
И это не единственный случай расхождений, которые нередко выливаются в публичные скандалы (иногда напоминая знаменитые сцены из советского боевика «Красные дьяволята»).

Дмитрий Романов говорит:

– Я разговаривал в Екатеринбурге с Соловьевым (Владимир Николаевич Соловьев – старший следователь Генеральной прокуратуры России, который вел дело об убийстве царской семьи. – *Ред.*). Когда обнаружили останки царевича Алексея и великой княжны Марии, он спросил меня, можно ли взять для экспертизы немножко моей крови. Я только спросил: «Сколько литров?» Я люблю шутки.

Мой отец Роман Петрович был сыном великого князя Петра Николаевича, который в детстве играл с дочерьми императора Николая II. Но для меня очень важно, что все это официально, проверка и пр., и если есть те, кто не верит каким-то фактам, то пускай скажут почему. Насколько я вижу, и не только я, но почти вся наша семья, – мы видим, что это так и будет, что все подтверждается. Соловьев мне рассказал, и потом в американском фильме это все было показано (в частности, пули, найденные год назад на месте захоронения Алексея и Марии и на месте обнаружения других останков) – все совпадает, это мнение экспертов, теперь все официально технически подтверждается, Соловьев говорит, уверен на сто процентов. И я с удовольствием говорю о том, на что мы надеялись, что это правда.

Отвечая на вопрос о реабилитации членов царской семьи, убитых в годы Гражданской войны, Д. Р. Романов ответил:

— Я не знаю, почему я должен комментировать действия адвоката моей кузины великой княгини Марии Владимировны. Глава нашей семьи Николай Романович недавно (в интервью ИТАР-ТАСС) выразился по поводу реабилитации в том смысле, что это все равно что предложить реабилитировать апостола Петра или апостола Павла за то, что римляне его судили и приговорили к смерти. А что касается каких-то претензий материально-го характера... Было бы стыдно даже говорить о том, чтобы нам отдали какую-то часть дворца, земли и т. д.

Время рассудит потомков, кто прав. Собственно, по части вопросов уже рассудило...

ВОПРОС НАШЕЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ (О ПРИМИРЕНИИ РОМАНОВЕДОВ)

...Михаил Осоргин, известный писатель русского зарубежья, наш земляк, писал в романе «Времена» о событиях в год убийства царской семьи: «Еще где-то возьмется с царем, таская его по России не то во имя человечности, не то потому, что его некуда девать...»¹

Подобное отношение к самодержцу было характерно для многих представителей русской интеллигенции и всего общества того времени. Эта же вот неопределенность, граничащая с равнодушием к судьбе монарха и монархизма в целом, отличает и наше общество переходного периода. Слава богу, теперь хоть определились с местом захоронения останков Романовых. Именно захоронение, доктор Александр Авдонин настаивает на этом слове. «Перезахоронение — это неточное слово в данной ситуации, поскольку 11 человек, и взрослых, и совсем юных, были уничтожены и сброшены в яму, которую могилой назвать, конечно же, никак нельзя... Речь, по сути, не об идентификации останков, а о нас с вами, ныне живущих...»

Комментарий А. Н. Авдонина:

— В рамках нашей программы выполнена беспрецедентная экспертиза, найдены и переданы в Россию архивы белогвардейского следователя Со-

¹ Осоргин М. Времена. М.: Современник, 1989.

*После презентации. Романоведы г. Перми с доктором В. Г. Красновым
(2-й ряд, с книгой)*

колова, выяснявшего в свое время обстоятельства гибели царской семьи, найдены многие документы, проливающие свет на тайны этой проблемы. Конечная цель государственной комиссии – выдача рекомендаций по захоронению останков царской семьи...

И конечно, здесь, наряду с нашими государственными сложностями и затруднениями, сильное влияние оказывает оппозиция в деле официального расследования.

Оппозиция возникла одновременно с гибелью царской семьи. Вспомните заявление Войкова (члена Уралсовета, одного из организаторов убийства Романовых): «Мир никогда не узнает, что мы с ними сделали». В то время оппозиция противодействовала белогвардейскому следствию. Для сокрытия преступления было запущено огромное коли-

*Доктор исторических наук
Лыкова Л. А. на Романювских
чтениях в Перми*

чество дезинформации: что царская семья жива, что она вывезена в Пермь и даже дальше, за границу. Следовательно Кирста «завяз» в пермском направлении, не получив нужных результатов, он потерял время – чего и хотела противная сторона.

Но и до сегодняшнего дня подобная «информация» вытаскивается на поверхность как необходимая для дальнейшего расследования. Следователи Наметкин, Сергеев, Соколов работали в Екатеринбурге. Группа Соколова, расследовавшая убийство в Ипатьевском доме, не смогла обнаружить останки или весомые доказательства их полного уничтожения. А это уже дало начало огромному количеству версий – от уничтожения царской семьи до счастливого спасения всех. Отсутствие доказательств давало право на жизнь этих версий. На мир обрушилась армия лжепретендентов, «членов царской семьи», исключая Николая II, на него никогда не было претендентов, очевидно, потому, что советское правительство заявило, что он убит.

Это тоже разновидность оппозиции официальному расследованию, когда на сегодняшний день на свете живет два «Алексея», раньше их было еще больше, множество других родственников. В этом году в одном из подмосковных соборов коронован новый российский «император», внук Николая II... Эти лица вносят свою долю сумятицы, поражая общество, обывателей несуразностью личных претензий. Число претендентов на принадлежность к Романовым приближается уже к четырем сотням!..

Что касается отношения к проблеме останков настоящих родственников, то весной 1997 г. в Екатеринбург приезжала великая княгиня Леонида Георгиевна, она посетила ученых, познакомилась с данными экс-

пертиз, осмотрела обнаруженные останки (ранее члены этого семейства игнорировали их). На пресс-конференции великая княгиня заявила, что уверена: это останки членов царской семьи. Что касается других родственников Романовых, то они особого интереса к этому не проявили.

Хотя Николай Романов, живущий в Италии, писал в том смысле, что нужно захоронить останки как можно быстрее, и захоронить здесь, в Екатеринбурге. Такое отношение похоже уже на глумление... Нужно разделить проблемы исторической экспертизы, которую предлагают продолжать историки, и проблему захоронения останков. Есть документ из Генпрокуратуры РФ о том, что «для захоронения никаких препятствий нет».

По некоторым вопросам учеными, историками-романоведами, пока не выработана единая позиция. Доктор исторических наук Л. А. Лыкова (Москва) отмечает (вынуждена отметить) ряд серьезных упущений, в частности то, что не был налажен процесс обмена информацией с представителями русской эмиграции. К сожалению, в ходе деятельности комиссии был только начат диалог с церковью. Как показали прошедшие годы, игнорирование мнения Русской православной церкви по результатам экспертиз не способствовало (мягко сказать) общественному примирению. Выводы комиссии были приняты в России и особенно в среде русской эмиграции неоднозначно.

Поэтому полная публикация документов деятельности комиссии становится весьма актуальной, т. к. она предполагает перспективы научного освоения уникальной информации. Выход в свет монографии Л. А. Лыковой – первый шаг на этом пути¹. Думается, вскоре последуют и другие, поскольку в московских и зарубежных архивах есть еще немало неопубликованных документов, в том числе тех, которые помогут раскрыть правду о подлинной роли Германии в сокрушении российской монархии, об обстоятельствах убийства великого князя Михаила Романова и др.

В IV Романовских чтениях, состоявшихся в Перми в 2009 г., впервые приняли участие ученые А. Н. Авдонин и В. П. Сакович из Екатеринбурга. Оба сыграли ведущую роль в обнаружении и идентификации останков Николая II и его семьи под Екатеринбургом. Доклад доктора

¹ Лыкова Л. А. Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи. М., 2007.

Авдони́на, прозвучавший на конференции, опубликован в четвертом выпуске сборника «Уральская Голгофа». Хочется думать, что сообща, с помощью екатеринбургских, московских и зарубежных специалистов, и пермская загадка русской истории будет наконец разгадана.

Как известно, Михаил Александрович на соборе 2000 г. прославлен не был. Однако движение за прославление великого князя существует и крепнет год от года. За рубежом данное движение возглавляет княгиня О. Н. Куликовская-Романова. Приведем в завершение мнение княгини, высказанное ею во время пребывания в Перми в ноябре 2000 г. в газете «Вечерняя Пермь», в интервью «Мы – за канонизацию»: «Память о Михаиле Александровиче, своем дяде, всю жизнь сохранял мой супруг Тихон Николаевич, почитая его как великого князя-страстотерпца. Именно поэтому я так стремилась сюда, в Пермь, чтобы поклониться той земле, которая в безвестности упокоила останки великого князя-мученика...»

НЕ ПЕРЕХОДЯ НА ЛИЧНОСТИ (О ПРИМИРЕНИИ ЗЕМЛЯКОВ)

В наше время идет известная переоценка переломных событий, самого хода истории последних столетий. В России, да и во всем мире, уже совершенно по-другому относятся к тому, что произошло с царской семьей, разделившей участь своего народа. Сегодня трезвомыслящий историк уже более объективно оценивает и роль личности в истории, более осторожен в определениях. Целено и безправственно называть бывшего императора Николая Романова «кровавым», «безвольным», «бездейтельным» и т. п. При всех его личных недостатках нельзя не учитывать сложившейся в начале XX в. ситуации как в границах империи, так и на внешнеполитической сцене.

Столь же ошибочно и некорректно поступает тот исследователь, который берет на вооружение мнение Ганьки Мясникова, организатора убийства Михаила Александровича. В своей книге «Философия убийства» главный пермский чекист и, между прочим, несостоявшийся член Всероссийского Учредительного собрания (Мясникова выдвинули от Мотовили-

*Паломники. И Михаил с нами.
Участники Романовских чтений 12 июня 2009 г.*

хи) рисует портрет ссыльного Романова в резких, почти фельетонных красках: «После того как я принял отдел, я послал за Михаилом... Глядя на него, все можно предположить, но только не наличие большого ума. Этого порока ни на лице, ни в глазах, ни в движениях не заметно».

Столь вздорную заносчивую характеристику нельзя воспринимать серьезно, зная о том, как высоко оценивали способности Михаила его наставники К. Победоносцев и С. Платонов, С. Витте. Никак не вписываются в такую оценку и блестящие научные работы молодого Михаила Романова на тему Отечественной войны 1812 г., опубликованные профессором А. Половцовым в «Русском историческом вестнике».

Отец Варфоломей (Сибиряков), настоятель Свято-Троицкого Стефанова мужского монастыря (ныне служит «за Камой», в новом православном монастыре), в своем выступлении на Романовских чтениях в Перми высказался за расширение музейной экспозиции, посвященной Михаилу II, последнему императору России (в настоящий момент небольшая экспозиция действует в монастырской библиотеке). Участниками чтений было высказано немало дельных предложений, вошедших в итоговый документ. В рекомендации включены такие направления, как

III Романовские чтения, 2008 г. Выступает отец Варфоломей

продолжение исторического расследования событий Гражданской войны на пермской территории; поиск останков Михаила Александровича Романова и его секретаря Николая Джонсона; разработка туристических маршрутов по уральским достопримечательностям, связанным с представителями дома Романовых.

Активное участие в романовском движении принимает доктор Владислав Краснов, президент российско-американского общества доброй воли (РАГА). Его многочисленные выступления исполнены обеспокоенностью по поводу того, что в Перми до сих пор не решена проблема увековечения памяти Михаила Романова; слабо используется ресурс царской тематики, притягательной для зарубежных туристов. Особенно это отставание бросается в глаза по сравнению с соседней Свердловской областью и Екатеринбургом; впрочем, и в Чердыни в этом плане делается значительно больше (по увековечению памяти о боярине Михаиле Никитиче Романове).

*Чердынъ, сентябрь 2013 г.
Конференция, посвященная 100-летию дома Романовых*

Увы, до сих пор чествование памяти Михаила не включено в официальный календарь г. Перми. И превращение бывшей гостиницы «Королевские номера» в музейно-просветительский центр все откладывается.

Доктор В. Краснов: «Всё-таки досадно, что около 250 миллионов рублей их бюджетных денег ушло только на „Белые ночи“, а на чествование 100-летия дома Романовых было едва ли отведено 100 тысяч. Дело, разумеется, не во вкусе и не в цензуре, а в очевидном непонимании руководством края, что такое Пермь и что она могла бы принести СВОЕГО в сокровищницу русской и мировой культуры. Без этого понимания культура не „ресурс“ страны, тем более „стратегический“, а потребительская ярмарка с душком фаворитизма и коррупции».

Сегодня все больше ученых приходит к пониманию того, что с убийством Михаила Александровича Романова в 1918 г. был упущен уникальный шанс на мирное развитие страны. Республики или конституционной монархии – это неважно, как писал сам великий князь Михаил: «лишь бы были порядок и справедливость».

Угли гражданского раздора, противостояния все еще тлеют в нашем развороченном, расхристанном, дезориентированном обществе. Без осмысления и переосмысления пройденного страной сложного исторического пути ни о каком примирении истории невозможно говорить. А без этого невозможно, в свою очередь, продвижение вперед, как говорят философы, по спирали и кверху.

Когда родилась идея создания в одном из корпусов Мотовилихинского завода Политехнического музея, среди опорных имен будущей му-

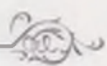
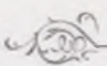
Старый заводской корпус мог бы стать Политехническим музеем

Санкт-Петербург. Миллионная улица, 12. Лития Михаилу...

зейной концепции называлось и имя Михаила Романова. Так уж вышло, что судьба великого князя Михаила Александровича прочно связана с Мотовилихой. Здесь он не раз бывал, знакомился с историей, достопримечательностями заводского селения. Здесь Михаил II принял свой мученический конец от группы местных боевиков. Кроме того, уместно вспомнить, что великий князь был выпускником Михайловского артиллерийского училища; несколько лет, вплоть до Октябрьского переворота, он являлся августейшим покровителем обществ автомобилистов, воздухоплавания, с 1909 г. возглавлял комитет по созданию Российского воздушного флота.

Не все, однако, считают, что данная историческая фигура достойна почитания пермяками. В конце 1990-х Пермь посетила группа представителей московского Дворянского собрания, лидеры возрождающегося

монархического движения. На встрече с мэром Перми предводитель российского дворянства князь Голицын (которого мы знали прежде только как неплохого художника) упрекнул городские власти в том, что мало делается здесь для памяти великого князя Михаила Романова. Гость назвал при этом Романова «жертвой Перми». Мэр города – тогда им был Юрий Трутнев – не согласился с такой постановкой вопроса.

– При чем тут Пермь? – сказал тогдашний «отец города», пользовавшийся немалой популярностью у населения.

Вспыхнула и тут же загасла небольшая дискуссия. В итоге... решение ряда назревших вопросов (поиск могилы Михаила и Джонсона, освобождение помещения в бывших «Королевских номерах», создание мемориально-просветительского центра и т. п.) было отложено, задвинуто в дальний ящик.

Местная жизнь

Похищения Михаила Романова.
В ночь с 12 на 13 июня в начале первого часа по возному призыву в Клеветинские Полея, где проживал Михаил Романов, явилось трое вооруженных и скарлатной фетие вооруженных. Они пришли в помещение, занимаемое Романовыми, и предложили ему выйти во двор на прест, который был прибит только секретарем Романова, Дмитрием Писемным. После этого Романову было предложено отойти к сарайчику. Его в Дмитриева своей усадьбы, выходя в открытый фазон и уходя по Тургенов улице во дворик, лениво в Обвинской.

Вызванный по телефону членом Высочайшего Комитета приехал в ночь через несколько минут после похищения. Встретившись с отцом, Романовым, о задержании Романова, по всем правилам были рассказаны конные отряды извещены, во всех местах следов обнаружить не удалось. Об этом в помещенных Романова, Дмитриева и других слух по дал никаких результатов. О похищении немедленно было сообщено в Совет Баронных Князей, в Петербургскую Комитету и в Уральский Областной Совет.

Пришедшие извещены романа.

Мог ли спастись узник Перчи?..

Вид Перчи с Красной Горки. 1910 г. Автор цветного фото — С. М. Прокудин-Горский, знакомый великого князя Михаила Романова, получивший царский заказ на фотографирование российских достопримечательностей по рекомендации Михаила Александровича

ЕСТЬ ЗАБАВА НА РУСИ... САМОЗВАНЦЫ НЕСЧАСТНЫЕ

ВОЗМОЖЕН ЛИ БЫЛ ПОБЕГ МИХАИЛА?

А знаете ли вы, дорогие читатели, что пермским чекистам все-таки не удалось убить Михаила Александровича Романова? Оказывается, он не только спасся от преследователей, но и выжил в советское время. Более того, он вторично женился и оставил потомство...

В этой части речь пойдет о самозванцах. Чтобы все было понятно с новыми Михаилами Романовыми, нужно детально показать, проследить происхождение самых ярких лже-Михаилов. С некоторыми из них мне довелось познакомиться даже лично...

Но начать нам придется с фундаментального вопроса: возможен ли был побег ссыльного Михаила Романова? Может, действительно...

«МИША НАСТУПАЕТ С КАЗАКАМИ»

Сногшибательное известие, зафиксированное для потомков уже в 1918 г., пришло от великого князя Дмитрия. Отбыв ссылку в Персии за участие в ликвидации Григория Распутина, Дмитрий Павлович, удачно уйдя от большевиков, отметил в дневнике: «...Миша наступает на Москву с казаками... провозглашен императором».

Поистине нет дыма без огня: казаки генерала Краснова, бывшего подчиненного Михаила Романова, души не чаяли в великом князе. Да и наступление на Москву Добровольческой армии тогда развивалось успешно...

В том же 1918-м появился первый самозванец Михаил Романов. Как говорится, еще не остыло тело настоящего...

В управление по делам колоний Франции в начале 1919 г. поступил рапорт под грифом «совершенно секретно». В нем сообщалось, что Михаил Александрович якобы находится во Французском Индокитае. Там появился человек, утверждавший, что он – великий князь Михаил Романов. Можно только представить отчаянное положение этого русского, который обратился к местным властям, чтобы получить французскую визу. На что рассчитывал бедолага? Тогда колониальные власти запросили у адвоката Алексея Матвеева (родственника Натальи Сергеевны) фотографии Михаила. Всех, и прежде всего жену, ждало глубокое разочарование. Особенно горькое потому, что это ведь был первый самозванец – после будут еще и другие...

В то время, казалось, воздух был пропитан ложными вестями и слухами, люди не знали, чему верить. В то, что Михаилу удалось спастись, верили прежде всего люди, знавшие и любившие его. Среди обманувшихся оказался даже генерал Брусилов. Английские исследователи супруги Кроуфорд опубликовали в своей книге «Михаил и Наталья. Жизнь и любовь» рассекреченную переписку немецкой агентуры того времени. И вот 17 июля 1918 г. (после гибели Михаила прошло уже больше месяца) из германского посольства в Москве в Берлин ушло донесение. В нем сообщалось, что недавний главнокомандующий русской армией генерал Брусилов (о совместной службе двух генералов см. в части II) отправил к Михаилу Романову капитан-лейтенанта Н. «с целью помешать ему войти в союз с Антантой». Напомним, немцы ставили на Михаила, они видели его во главе монархического движения. Куда отправил своего гонца генерал – неизвестно, одно ясно – в сибирском направлении, в Омск. Там, по слухам, объявился Михаил Романов...

ПО ПОДЗЕМНОМУ ХОДУ...

В то, что Михаил Романов мог бежать из ссылки и готовился к побегу, до сих пор еще верят некоторые горячие почитатели великого князя. Что удивительно, речь в данном случае идет не только о мифах и легендах, которые пышным цветом расцветают обычно, когда недостает фактов. Легенды повторяются, случается, и историками. Так,

в вышедшем в Москве сборнике статей¹ автор-составитель приводит одно из мнений: «...думаю, что побег Михаила все-таки готовился. Отсутствие (пока!) документов не позволяет подтвердить это, но вот простое сопоставление дат...»

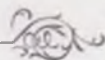
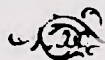
Далее автор этих слов – они принадлежат пермскому книгоиздателю Н. А. Зенковой – пытается связать с подготовкой к побегу намерение Романова переехать из «Королевских номеров» в дом Тупицыных, располагавшийся на Екатеринбургской, 212. Какая связь, спросит читатель? А такая, что усадьба Тупицыных – на окраине города, ближе к вокзалу. А из дома этого (усадьба сохранилась до наших дней) и от некоторых зданий соседнего Успенского монастыря, узнает читатель, «существовал подземный ход, который вел к железнодорожному полотну», т. е. легче «уйти незамеченным».

Документы все же появляются, хоть и с большим запозданием, с большой неохотой всплывают на свет божий. Скажем и о том, могли ли чекисты устраивать расстрелы. Уважаемая книгоиздательница пишет о том, что не устраивали чекисты расстрелы на острове, существовавшем до ввода ГЭС посреди Камы, прямо напротив Мотовилихинского завода. Михаила в этой «плавающей тюрьме» не казнили, но других заложников в 1918 г. убивали. Об этом неопровержимо свидетельствуют обнародованные в последние годы материалы допросов участников тех трагических событий, показания очевидцев. В числе убитых на острове был и наместник Белогорского монастыря Варлаам².

А вот существование мифического подземного хода, да на такой протяженной территории (до железной дороги!), не подтверждают за многие десятилетия ни жители данных микрорайонов, ни строители, ни археологи. Но дело даже не в этом. Из документов, воспоминаний многих людей известно, что ссыльный Михаил Романов передвигался по городу свободно, и не только по городу. Он многократно уезжал и за Каму, и на другие окраины, т. е. при желании мог исчезнуть. Однако не будем забывать, что Михаил был демократом по своим убеждениям (недаром же только он сумел совладать с горцами, «обуздать» Дикую дивизию), ему было

¹ Лыкова Л. А. *Пермь. Тайна гибели Михаила Романова*. М., 2010.

² См.: Гладышев В. *Остров мертвых // Годы террора*. Пермь, 2010.

как-то стыдно воровато бежать, как тать, как разбойник. И главное, он понимал, что своим бегством подставит своих родственников, навлечет на других арестованных членов царской семьи чекистскую кару. Последовавшие вскоре провокационные выдумки большевиков насчет «побега» и Михаила, и алапаевских узников, а затем и бессудные казни подтвердили эту коварную технологию убийств.

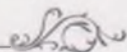
Приведем пример пропагандистской утки большевиков. 15 июня 1918 г. в «Известиях Пермского окрисполкома Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов» появилась заметка:

ПОХИЩЕНИЕ МИХАИЛА РОМАНОВА. В ночь с 12 на 13 июня, в начале первого часа по новому времени, в „Королевские номера“, где проживал Михаил Романов, явилось трое неизвестных в солдатской форме, вооруженных. Они прошли в помещение, занимаемое Романовым, и предъявили ему какой-то ордер на арест, который был прочитан только секретарем Романова Джонсоном. После этого Романову было предложено отправиться с пришедшими. Его и Джонсона силой увели, посадили в закрытый фазтон и увезли по Торговой (ныне Советской. – Ред.) улице по направлению к Обвинской (ныне улица 25 Октября. – Ред.).

Вызванные по телефону члены Чрезвычайного комитета прибыли в номера через несколько минут после похищения. Немедленно было отдано распоряжение о задержании Романова, по всем трактам были разосланы конные отряды милиции, но никаких следов обнаружить не удалось».

Заканчивалось сообщение уверением граждан в том, что «производят энергичные розыски» (!). О похищении немедленно было сообщено в Совет Народных Комиссаров, в петроградскую коммуны и в Уральский областной совет (!).

Сегодня уже документально доказано, что координировали эту широкомасштабную операцию по дезинформации из центра. Советское правительство боялось осложнений на внешнеполитическом фронте, т. к. режим был слаб. «Республика в кольце врагов!» – напоминали газеты коммунистов. Пожалуй, самый откровенный случай «дезы» появился в Перми в сентябре, как раз в те дни, когда здесь находился с визитом сам председатель ВЦИК Яков Свердлов, «красный царь», как еще называли его за рубежом. В местных «Известиях», в номере за 18 сентября, читателям сразу бросилось в глаза большое черное пятно. Запечатана типографской краской была информация Пермской ЧК «Задержание Михаила Романова».

Сообщалось, что «...12 сентября в 10 верстах от Чусовского завода по Пашийскому тракту одним из посланных агентов было обращено внимание на двоих проходивших по направлению к заводу лиц, которые держали себя довольно подозрительно. Один из них, высокого роста, с русой бородой „буланже“, особенно обратил на себя внимание. Агент потребовал от этих лиц предъявления документов. Последние показались ему сомнительными, а потому вышеуказанные лица были задержаны и препровождены в Пермскую губернскую чрезвычайную комиссию...»

В общем, сочинители среди чекистов нашлись не только в Екатеринбурге (там «офицеры-монархисты», ими были свои люди Уралсовета, очень ловко на французском языке сочинили провокационный план побега царской семьи). Сообщение о поимке заканчивалось, конечно, тем, что, когда задержанных разоблачили («мы силой заставили их снять грим»), были опознаны бывший великий князь Михаил Романов и его секретарь. Они «тотчас были заключены под сильную охрану».

Подпись под заметкой стояла председателя Пермской ЧК Малкова. Запретить публикацию столь откровенной «дезы», причем в последний момент, накануне выхода газеты (это ЧП для любого издания в любые времена), мог только какой-то очень-очень большой начальник. Им и был Свердлов. Просто Яков Михайлович понял, что это уже слишком, заигрался, что называется. Ведь надо будет что-то делать потом с «выловленным» Романовым...

В связи с этим слабо верится в версию, выдвинутую английским историком Дональдом Кроуфордом, который считает, что осенью 1918 г. Пермский совет решил официально убрать Михаила с политической арены. И вот для этого «они выдали за великого князя его камердинера Челышева, а шоферу Борунову отвели роль Джонсона». На самом деле ничего подобного не было: оба «слуги» Михаила были расстреляны как заложники, их фамилии появились в списках жертв красного террора, опубликованных в «Известиях Пермского исполкома». В первом списке (номер газеты за 11 сентября) 42 фамилии, причем Василий Федорович Челышев назван почему-то монахом (?). Фамилия Петра Яковлевича Борунова, «бывшего слуги Михаила Романова», появится в следующем списке ЧК (в номере за 9 октября). В нем еще 37 человек... (В книге «Скорбный путь Михаила Романова...» в последнем чекистском списке приведено только пять фамилий заложников.)

Списки публиковались для устрашения населения, а также для того, чтобы замазать, новязать кровью всех, кто оказался под красными знаменами, пусть даже случайно. Кого-то из заложников погубили «за их явную контрреволюционную деятельность», других – «в ответ за покушение на членов ЧК». Красный террор – белый террор.

Обоснование у «железных чекистов» также было «железное»: «Чтобы в корне пресечь такие вспышки (покушений. – В. Г.), влекущие за собой ненужные жертвы, чтобы правые эсеры, меньшевики и к.-д. (кадеты. – В. Г.) знали, что подстрекательство и провоцирование малосознательных крестьянских масс прежде всего отзовется на них самих, – Пермская окружная ЧК постановила взять в г. Перми и на многих заводах округа заложников из представителей крупной буржуазии, правых партий и белых офицеров»¹. Было арестовано с этой целью 80 человек. Потом еще и еще...

• • •

Стремясь вырвать царскую фамилию с корнем, большевики убивали всех свидетелей, не щадили и обычных обывателей. Первым номером в октябрьском списке (потом будут и другие списки) шел Петр Людвигович Знамеровский, бывший жандармский полковник, и его жена. Романов часто совершал прогулки по пермским окрестностям в компании с полковником. Заходил он и на квартиру к Знамеровским на Кунгурской улице.

Далее в зловещем списке расстрелянных шла Серафима Семеновна Лебедева, служащая Петроградской центральной электростанции, «соучастница в побеге Михаила Романова»... Особенно много в списке было жандармов, служивших царскому режиму, и священников.

В свете новых данных, опубликованных документов можно сделать однозначный вывод, что никаких подпольных монархических организаций в Перми на тот момент не существовало. Попытки их создания – да, были; в том числе мыслями на сей счет делился с единомышленниками (как ему казалось) бывший полковник П. Л. Знамеровский. Он с женой и сыном жил в квартире в доме на Кунгурской улице, 8. Большевики потом объявили, что здесь и находился «штаб заговорщиков». На самом деле что и было – так одни разговоры, а не заговоры...

¹ Известия Пермского губисполкома Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 1918. 18 сент.

За полтора года до революции Петр Знамеровский перешел на службу в Министерство путей сообщения уполномоченным министра по расследованию злоупотреблений по перевозке. Служил до апреля 1917-го, затем уходил на фронт, но воевал недолго; по болезни был отпущен и снова жил в Гатчине. 7 марта 1918 г. был арестован и вместе с Михаилом Романовым выслан в Пермь. Вначале содержался вместе с Романовым в «Клубных номерах» (бывшего Дворянского собрания). А потом, когда Михаил и Джонсон были освобождены из тюрьмы, он снял квартиру на Кунгурской улице.

Из показаний П. Л. Знамеровского: «...12 на 13 июня с. г. я находился днем с 6 вечера до 9 у Романова, а ночь спал дома. О похищении я узнал на другой день, т. е. 13 июня, когда я стоял в церкви, и оттуда я прошел прямо в номера, где жил Романов, а там мне рассказали все, как это произошло. Мое личное предположение, что его могли взять люди просто злонамеренные, озверевшие. Это было мое первое впечатление, а потом я предполагал, что могли это сделать и какие-нибудь монархические организации...»¹

Арестованный, однако, на допросе договорился до неслыханных вещей. Он сказал еще (был предельно откровенен со следователем): «Но есть и предположение, что это сделано центральной (!) советской властью без ведома местных властей». Этим самым Знамеровский подписал себе смертный приговор. И не только себе, но и своей жене, которая на следующий день явилась в ЧК, чтобы узнать о судьбе мужа, и на волю уже не вышла...

Как рассказал позже камердинер А. А. Волков, которому удалось сбежать из Пермской ЧК, Знамеровский был убит первым, случилось это прямо в тюремном дворе. Полковник сказал охранникам какую-то резкость. Его грубо вытолкали во двор и тут же расстреляли...

КОЛЧАК ИСКАЛ МИХАИЛА

В Сибири на тот момент был еще один человек, который с самого начала пристально следил за расследованием убийства Михаила Романова.

¹ РГАСПИ. Ф. 588, оп. 3, д. 17, л. 60 – 61 об.

И не только следил, но и инициировал следствие по делу. Этим человеком был адмирал Колчак, Верховный правитель России. Он не только отдал приказ генералу Литерихсу о том, чтобы провести тщательное следствие, но и не забывал спрашивать о результатах даже в самые тяжелые для себя, для белой армии дни.

Если верить одному из участников похищения Михаила, пермскому чекисту А. А. Микову (воспоминания написаны в 1956 г. в Ялте, где доживал свой век бывший боевик), то Колчак и лично руководил поисками захоронения Михаила. «Поиски колчаковцами – самим Колчаком, ибо он в это время был уже и сам в Перми, проживал в доме Любимихи (дом Любимой, ныне ТЮЗ. – В. Г.), – указывают на то, что чья-то информация была верной и точной и исходила из верного источника. Видимо, осведомитель был близок к нам. Да и немудрено: мы мало соблюдали конспирацию».

Здесь А. А. Миков имеет в виду объявление старшего следователя по особым делам о розыске лиц, виновных в гибели Михаила Романова: Малкова, Мясникова, Колпащикова, Жужгова, Иванченко, Маркова, Микова, т. е. тех, кто и был задействован на самом деле. За указанные адреса или поимку этих лиц было обещано денежное вознаграждение. Эти сведения белые получили, скорее всего, от захваченного в плен А. И. Плешкова, начальника Мотовилихинской милиции, эсера. После допросов в контрразведке он был расстрелян.

Именно от Колчака осенью 1919-го Наталья Сергеевна передали телеграмму из Сибири, после чего надежд у жены Михаила осталось до ужаса мало. В ответ на ее запрос адмирал писал: *«Прошу сообщить графине Брасовой в ответ на ее письмо: все сведения, которыми я располагаю, не дают никаких указаний о пребывании великого князя Михаила Александровича (выделено в подлиннике. – В. Г.) в Сибири или на Дальнем Востоке. Судьба его остается совершенно неизвестной после его увоза из Екатеринбурга (ошибка. – В. Г.). Все попытки выяснить ее не дали результатов»*.

БЫЛ ВСЕГО ОДИН УДАЧНЫЙ ПОБЕГ

Следователь Н. А. Соколов, которому Колчак поручил начать следствие по делу об убийстве великого князя Михаила Романова, включил

в дело, помимо других немногих документов, выписку из газеты чехословаков (белых)¹. Там сообщалось о побеге великого князя и его секретаря Николая Джонсона. Как будто их видели, что они уплыли по Каме, а затем до Иркутска

По другому слуху, зафиксированному прокурором Пермского окружного суда П. Я. Шамариным (в октябре 1919 г. в г. Чите), Михаила увезли тоже на моторной лодке по Каме, но уже... в Чердынь.

В газетах 1918 г. попадаются сообщения и о расстрелах заложников, и о гибели на посту чекистов, например о самоубийстве «от переутомления на почве нервного расстройства» председателя Осинской уездной ЧК тов. Грязных.

22 сентября 1918 г. было опубликовано сообщение «Расстрелы контрреволюционеров», где сообщалось, что «по постановлению Пермской губчека в ответ на убийство тов. Урицкого и покушение на тов. Ленина расстреляны следующие лица, принадлежащие к контрреволюционному лагерю». В прилагаемом списке фамилий – 36 человек, среди них лица, близкие к семье Николая 11: Гендриков, Волков, Шнейдер, Чельшев и др.²

При этом в списке были допущены ошибки. Графиня А. Гендрикова прошла по списку как мужчина (в фамилии пропущена буква А), а камердинер императрицы Александры Федоровны Алексей Волков на самом деле остался жив, он сумел бежать из-под расстрела. Именно Волков сообщил Н. Соколову подробности похищения великого князя Михаила Александровича, услышанные им от камердинера В. Ф. Чельшева, которому спастись не удалось.

Из воспоминаний камердинера А. А. Волкова «Около царской семьи»: «...в Пермской тюрьме мы впервые узнали об убийстве государя. В газетах сообщалось только о нем одном, об убийстве же остальных членов семьи не говорилось ни слова. Смотритель тюрьмы оказался очень добрым и благожелательным человеком. Кормили очень плохо, но спасало то обстоятельство, что у сербов, с которыми я сидел в одной камере, были деньги, на которые покупалось для всех нас продовольствие. В Екатеринбург я исхудал и обессилел, в Перми же несколько поправился. Елена

¹ Современная Пермь. 1919. 25 мая.

² Известия Пермского губернского исполкома Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 22 сент.

Петровна (княгиня Сербская. — В. Г.), граф[иня] Гендрикова и Шнейдер сидели все вместе в другой камере. Виделись мы с ними издали только на прогулках и в церкви. На прогулку я и Смирнов выходили дважды в день. Гуляли во дворе одни, без надзирателя. Сербы не гуляли, опасаясь за свою жизнь. Действительно, некоторых заключенных в это время расстреливали. Так, расстреляли Знамеровского (бывшего жандармского полковника из Гатчины)... К Знамеровскому приехала жена с сыном. Она поселилась вместе с мужем. Ее обыскали, нашли письма к Михаилу Александровичу. Письма взяли, а Михаила Александровича и его секретаря через некоторое время увезли из гостиницы...»

На допросе у следователя Н. А. Соколова Волков показал: «В полночь с 21 на 22 августа старого стиля в камеру вошел надзиратель и спросил: „Кто Волков?“ Я отозвался. „Одевайтесь, пойдемте“. Я стал одеваться. Смирнов тоже оделся и, сам сильно взволнованный, успокаивал меня. Я отдал ему бывшие у меня золотые вещи; мы попрощались, поцеловались. Смирнов сказал мне: „И моя участь, Алексей Андреевич, такая же, как ваша“. Меня привели из камеры в контору. Тут же были Гендрикова со Шнейдер. Отсюда нас повели в арестный дом и ввели в особую комнату, где было 8 человек. Здесь же было 22 вооруженных человека. Это были, очевидно, палачи. Среди них были и русские, но но большей части были не русские, а, видимо, латыши, хотя, быть может, были и мадьяры. Командиром у них был какой-то человек в матросской одежде. Мы сидели, ждали света. Гендрикова мне шепнула с чьих-то слов, что нас отведут в пересыльную тюрьму, а потом отправят в Москву или Петроград. Я не стал ей возражать, хотя и ясно видел, куда нас поведут».

В воспоминаниях А. Волков пишет так: «Под конвоем трех солдат, очень славных русских парней (!), тронулись в путь. Он был не особенно далек. На вопрос, куда нас ведут, солдат ответил, что в арестный дом. Здесь нас ожидали еще восемь человек: нягь мужчин и три женщины. Между ними были Знамеровская и горничная той гостиницы, где жил великий князь Михаил Александрович. Таким образом, нас всех оказалось одиннадцать человек. Конвойных было двадцать два человека. Начальником являлся какой-то матрос. Среди конвойных, кроме приведших нас трех солдат, не было ни одного русского».

Сравнивая два документа, материал допроса А. Волкова и воспоминания, написанные позже самим бывшим камердинером, мы находим важ-

ные подробности, ускользнувшие из внимания следователя. Детали характеризуют психологическое состояние как палачей, так и их жертв.

Оказывается, Анастасия Гендрикова пошла в уборную и спросила конвойного о том, куда их поведут из тюрьмы. Солдат ответил, что в пересыльную тюрьму. «А потом?» — спросила Гендрикова. «Ну а потом — в Москву», — ответил конвойный. Пересказывая свой разговор с солдатом, графиня сделала пальцами жест: «Нас так (т. е. расстреливать. — В. Г.) не будут». Один из охранников, матрос, уже одетый, веселый (!), с папирской во рту, не раз выходил на улицу, очевидно, смотрел, не рассветает ли.

«...Вывели нас на улицу, — пишет Волков, — выстроили попарно: впереди мужчин, позади женщин — и повели. Провели через весь город, вывели на Сибирский тракт, город остался позади. Я думаю: где же пересыльная тюрьма? И в душу закралось подозрение: не на смерть ли нас ведут? Впереди меня шел мужчина. Я спросил его, где пересыльная тюрьма. „Давным-давно ее миновали, — был ответ. — Я сам тюремный инспектор“. — „Значит, нас ведут на расстрел“. — „Какой вы наивный. Да это и к лучшему...“»

Сцену прощания один из узников, С. Н. Смирнов, секретарь княгини Сербской, вспоминал во время допроса у Н. А. Соколова так:

«...Вечером 21 августа (3 сентября) я сидел почему-то позже обыкновенного, читая „Екатерину II“ Брикнера. Наши уже легли. Была мертвая тишина. <...> Около 11 я уменьшил огонь, разделся, помолился, что привык делать аккуратно утром и вечером, накрылся своей охотничьей буркой и скоро заснул. Но вот сквозь сон услышал я шум шагов в коридоре, потом звон ключей, посмотрев на часы, я увидел без десяти двенадцать. Ключ вставляли в нашу дверь, открыли, на фоне света в коридоре образовалась фигура надзирателя. В такой час посещение было зловеще. „Который тут Волков?“ — спросил надзиратель. Все проснулись, и Волков ответил: „Я“. — „Одевайся“. Одевшись, Волков подошел ко мне, передал мне форменный жилет с золотыми часами и обручальное кольцо, прося передать жене. Потом посмотрел на икону и, крестясь, прошептал: „Боже мой, Боже мой, Боже мой“, перекрестился трижды, поцеловался со мной и ушел. Защелкнул замок, и все затихло. Никто из нас не спал. <...>

Но вот послышались вновь шаги в коридоре, приближавшиеся вновь к нашей камере. Я понял, что идут за мной, и начал одеваться, чтобы идти

на казнь. Меня начала бить холодная лихорадка. <...> Щелкнул замок. Я ждал вопроса: „Который тут Смирнов?“ Я стал читать „Отче наш“. Открылась дверь, и на свету обрисовалась фигура Волкова. „Не беспокойтесь, меня переводят в арестный дом, разрешили взять вещи“. Быстро собрал он свой сверточек в газете, я ему подал жилет, но он его не взял. „Нет, нет, нет, оставьте у себя“.

До утра я не спал: тотчас после проверки узнали мы, выйдя в коридор умываться, что внизу в эту ночь, в это же время увели Гендрикову и Шнейдер и что арестовали начальника тюрьмы¹.

Смирнов вспоминает в мельчайших подробностях те роковые минуты. Конечно, настроение у всех узников было подавленное. Он пишет: «...я пошел к Павлову и попросил не оставлять княгиню одну; сейчас же он перевел к ней гувернантку или учительницу-француженку, арестованную, когда хватили всех иностранцев. Потом княгиня рассказала мне про уход Анастасии Васильевны и Екатерины Адольфовны. Точно так же называли их фамилии. Они спали. Анастасия Васильевна вскочила, сказала: „Са у ест“², быстро оделась, подошла к столу, на котором лежала какая-то книга, написала на ней карандашом в адрес своей сестры Балашевой в Кисловодске. Затем она сказала княгине: „Si quelque chose m'arrive“³, и их обеих увели...»

Через некоторое время княгиня Елена Сербская узнала, что произошло во время допроса женщины в Чека. Анастасию Васильевну спросили, добровольно ли она поехала за царской семьей. Она ответила утвердительно и гордо...

А вот как удалось бежать Алексею Волкову. Произошло это уже в районе свалочного места, где-то на 5-й версте по Сибирскому тракту.

«...Повели нас за город, – вспоминает Волков. – Кончились строения, показался лесок. Стали мы подходить, должно быть, к месту казни нашей,

¹ В метрической книге Всехсвятской (Новойладбищенской) церкви за 1919 г. мне попалась одна странная запись. Под № 146 зафиксировано, что «бывший начальник Пермской губернской тюрьмы гражданин Дмитрий Андреевич Бурмакин, 40 лет, расстрелян 23 августа 1918 г. Погребен только на другой год, 28 апреля 1919 г.». Похоронили Бурмакина на Новом кладбище, так в ту пору называли часть Егюшихинского некрополя, расположенную возле храма Всех Святых, ближе к Тихой улочке. Проложили его в последний, столь затянувшийся путь протоиерей Иоанн Измайлович и священник Владимир (Цветков). В списках заложников, опубликованных большевиками, Бурмакина не было. Авт.

² Явилась (франц.).

³ Если со мной что то случится (франц.).

потому что наши палачи стали услужливо предлагать свои услуги: „Позвольте, я понесу ваши вещи“, очевидно, каждый желал сейчас же завладеть нашими вещами, чтобы потом не делиться ими с другими. Потом нас остановили. Я улучил минуту и перепрыгнул канаву, которая была около меня. Я бросился бежать. В меня было выпущено три пули. Я упал, потерял шляпу и слышал вдогонку мне слова: „Готов“. Но я тут же поднялся и снова побежал (упал я после второго выстрела). В меня был произведен третий выстрел, но Господь Бог меня сохранил...»

Волков блуждал 43 дня. Беглецу еще раз повезло: он вышел на территорию, свободную от большевиков, в 70 верстах от Екатеринбурга. Графиня Гендрикова и гофлектриса Шнейдер были в тот день расстреляны. Их трупы были найдены и опознаны вместе с сотнями других жертв весной 1919 г.

В те дни, во время эксгумации и опознания тел, над Пермью долго стояли неумолчные стоны, плач, причитания и заупокойные молитвы...

*Скорбященская тюремная церковь. Здесь молился и Михаил Последний.
Фреска из этого храма, ныне вновь действующего*

«СТРАШНО ДАЖЕ ПОДУМАТЬ!..»

ГАЛЕРЕЯ САМОЗВАНЦЕВ

Немало известно самозванцев «революционных» и «религиозно-монархических». Они вроде бы разнятся, но, по сути, психология и мотивация их поведения схожи. Ильф и Петров могли бы создать на этом материале увлекательное произведение о новых похождениях великого комбинатора. Наши сатирики были осторожны и прозорливы, они выбрали в качестве своих героев других самозванцев – «детей лейтенанта Шмидта» (хотя и в «Двенадцати стульях» авторы зубоскалили над «расстригами», бывшими служителями культа). Главное, чтобы «антисоветчины» не было.

Пик самозванчества, всегда имевшего хождение на Руси, пришелся на 1920–1930-е гг., когда бродили по стране и многочисленные «сыны лейтенанта Шмидта». Почему именно тогда? По многим причинам, главные из которых заключались и в расшатанности, неопределенности, переходности общественных институтов, и в утрате массами людей своих социальных, родовых, семейных корней – все это составляло прекрасную почву для разного рода авантюристов. В случае с лже-Романовыми проявлялись и монархическо-религиозное инакомыслие, и своеобразная мифологизация народного сознания (вздохи по доброму царю-батюшке). Помогли и сами большевики, которые, расправившись летом 1918 г. с царской семьей в Перми, Екатеринбурге и Алапаевске, так запутали следы, столько напустили информационного тумана, что доверчивый народ с охотой верил даже проходивцам в «счастливое спасение» то одного отпрыска, то другого великого князя или княгини.

Но режим действовал по известному методу Тараса Бульбы: сам породил, сам и убью. Чекисты «разобрались» с самозванцами в советской России в основном уже в 1930-е гг. Органам удалось завести более десяти уголовных дел по лицам, действовавшим в Уральском регионе. Аресты и несколько «ВМН» (высшая мера наказания) подействовали на народное сознание отвращающе, и самозванчество, еще один признак смутного времени в российской истории, ушел, казалось бы, в безвозвратное прошлое.

Но только казалось...

До сих пор, до сегодняшнего дня существуют люди, которые верят – или хотят верить – в то, что Михаила не расстреляли, что он спасся. И до сих пор есть люди, которые активно используют эту веру, самым циничным способом эксплуатируя миф о «чудесном спасении» венценосного Михаила.

Летом 2002 г. пермяки, пришедшие в областной Дом офицеров, были потрясены известиями, обрушившимися на них со сцены. Шла презентация книг, выпущенных представителями религиозного течения под названием «Православная церковь Божией Матери Державная». Оказывается, в 1920-е гг. в деревнях в окрестностях Кунгура, Перми, Осы ходил под видом странствующего монаха, в прошлом белогорского послушника сам великий князь Михаил Александрович Романов. Именно о его «чудесном спасении» (все-таки бежал, значит, великий князь из-под расстрела в июне 1918 г.), а также о сидении в лагере под именем Михаила Поздеева идет речь в книгах «Серафим, патриарх Соловецкий», «Соловки – вторая Голгофа».

Странные это творения... Потрясающие реалии жизни, прежде всего преследований верующих, ужасающие подробности лагерной жизни причудливым образом переплетаются в повествовании с вымыслом, блефом. Фрагменты биографические сменяются каким-то «иноглаголанием», бессвязным и путаным текстом, пропитанным патетикой.

Кто такой Михаил Поздеев? Реально существовавший человек, никакого отношения к Михаилу Романову не имевший. Впрочем, здесь мы не совсем точны... Дело в том, что этот человек называл себя великим князем Михаилом Романовым, т. е. перед нами – еще один самозванец.

* * *

«Кто он? Серафим ли? Михаил? Страшно даже подумать...» – так пишет автор книги «Соловки – вторая Голгофа» о своем «владыке». Впрочем, автор и сам «владыка Иоанн». Своя рука – владыка, и он использует вымысел, легенду так, как ему заблагорассудится. Характерный пример – описание обыска перед арестом Серафима-Михаила: «...подкинули – в вещевом мешке старца старая дореволюционная книга с фотографиями императора Николая II. И за почитание царя (щедрая была на лагеря

советская пенитенциарная система) дали четверть века прозябания на Соловках...»

Но нам уже известны реальные, невымышленные подробности, известны и описания походов «старца» в 1920-е гг., когда он подделывал фотографии, позируя в роли лжекнязя Михаила. Поздеев сам рассказывал о своих подвигах вполне откровенно, рассчитывая на послабление приговора. И получал его, это послабление (ведь было это еще в 1920-е гг.).

*Михаил Поздеев – «царь Михаил».
Из архивов ОГПУ*

Между тем авторам мифа мечтается сегодня о большем. Вот уже в Москве прошла, судя по столичной прессе, презентация книги «выдающегося писателя-мистика» отца Иоанна (как о себе-то сказано!) «Судьба последнего русского царя Михаила II Романова – патриарха ГУЛАГа».

Речь идет о человеке, объявившем себя Михаилом Романовым и епископом. Перед нами не что иное, как элементарная утка, запущенная представителями одной сомнительной религиозной секты, а затем раскрытая желтой прессой.

...Первые сведения о «князе Михаиле» в полномочное представительство ОГПУ по Уралу поступили от нескольких агентов. Сообщение было настолько поразительным, что эту личность незамедлительно объявили в розыск. И вскоре, 5 октября 1927 г., его задержали, произошло это на рынке в Кунгуре.

«Великим князем» оказался Михаил Алексеевич Поздеев (1887–1971). С первого же допроса он стал рассказывать о себе и своих «соратниках» много, охотно и даже угодливо. В книге В. В. Алексеева и М. Ю. Нечаевой¹ этой, прямо скажем, незаурядной личности посвящено немало удивительных документов. А книга, следует подчеркнуть, состоит толь-

¹ Алексеев В. В., Нечаева М. Ю. *Воскресшие Романовы?..*: В 2 ч. Екатеринбург, 2000.

*Он же – в роли самозваного
Соловецкого архиепископа
Серафима*

ко из документальных источников: протоколов допросов, свидетельских показаний и т. д. Издание научное, все документы, ранее спрятанные в различных архивах, ведомственных и областных, под грифом «секретно» раскрыты только недавно.

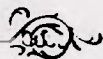
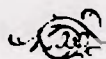
Сирота из вятской деревушки, Михаил волею судьбы с малых лет оказался в притоне, который содержала его бабушка. Когда мальчик вырос, он пробовал себя в ролях актера, цирюльника и даже монаха.

И еще он полюбил странствовать. Во время путешествий, паломнических поездок он впервые и примерил к себе роли самозванцев. Сначала – монаха, якобы живущего в пещере близ Белогорского монастыря (к тому времени уже закрытого). Это помогало ему получать подаяния, различные дары, религиозные принадлежности, которые он, в свою очередь, сбывал,

а то и просто дарил с выгодой для себя. Но «монах» заметил: ему подают лучше, если он рассказывает, что собирает подаяния не для себя, а для святых белогорских старцев, живущих в пещерах. Называл и конкретного человека – старца Макария.

Дебютировал Поздеев в этой роли так. В 1925 г. приехал он в Свердловск, в Тихвинский женский монастырь. Искал контактов с «княжнами», которые, по ходившим тогда слухам, «жили при монашках». Среди них – «княжна Маня», т. е. «царская дочь Мария». После службы монахини пригласили странника чаю попить, познакомиться. На вопрос, откуда и кто такой, «я, конечно, не долго думая, сказал, что живу я при афонских старцах в Уральских горах за Белыми горами, что они [старцы] прозорливые, Макарию 112 лет, и церковь есть маленькая, и женский скит основывается в 12 верстах...».

К этой легенде Михаил прибегал периодически с 1920-х до 1940-х гг., и роль «посланца» исправно кормила его. Объяснялось это тем, что «посланец» белогорского старца действовал вполне убедительно и не был жаден.

Только в одном надо поправить авторов комментария к документам. Старец не был, как они пишут, «вымышленным»: Макарий существовал на самом деле (кресту на могилке белогорского прозорливца Макария и по сей день поклоняются прихожанки Всехсвятского храма на Егошинском кладбище в Перми). В пещерах жил не он один, а еще несколько бывших белогорских монахов. И женский скит действительно существовал в Белогорье даже после разгона монастыря, в нем несколько лет и жила схимонахиня Евфросинья (Евдокия Болдырева).

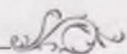
В 1950-е гг. Поздеев предстал для «истинно-православных» как архиепископ Серафим.

И опять же в жизни было реальное лицо: архиепископ Смоленский Серафим (в миру Михаил Остроумов) действительно существовал, но был расстрелян в 1937 г.

Таким образом, Михаил Поздеев старался импровизировать не на пустом месте, он не гнушался использовать действительные имена и факты.

Не случайно и то, что выбор Поздеева пал на белогорских старцев. В народе Свято-Николаевский монастырь на Белой горе был очень популярен как православная святыня. В дореволюционное время и еще долгие годы после закрытия Уральского Афона принадлежность к белогорской обители рассматривалась как своеобразный знак качества, причем на разных уровнях: и в духовном плане, и в производственной сфере (изделия многочисленных монастырских мастерских славились высоким качеством).

Любопытны примеры прозорливости, т. е. пророчеств, которые использовал «посланец старцев». Из обвинительного заключения М. А. Поздеева от 23 октября 1940 г., перед его очередным заключением, мы узнаем, что в своих антисоветских разговорах с монахами в Киеве он говорил: «...в 1946 г. начнут снова процветать храмы, будут новая земля, новое небо...» – и выразил надежды, что в ближайшем будущем они будут служить в лавре. При этом он ссылался на прозорливцев отца Якова из г. Переяславля и на старца Макария, проживавшего в Уральских горах. Как известно, примерно в это время, после знаменитой встречи Сталина с руководителями Русской православной церкви в 1944 г., действительно снова «начали процветать храмы». Без консолидации всего общества нельзя было одолеть сильного врага. После победоносного завершения войны многие закрытые церкви были возвращены верующим.

Так что странник, несомненно, что-то знал, что-то запомнил в своих паломничествах. Помогало Поздееву освоиться с «легендой» также то, что он сам жил на Белой горе несколько лет до призыва в армию и после. Как он сам показывает на допросе в Кунгурском окружном отделе ОГПУ (записано 5 октября 1927 г. и. о. уполномоченного секретного отдела Не-чаевым): «...в монастырь ушел я по завещанию бабушки. Жил в монастыре всего года два, не больше (позже выяснилось, что несколько больше. – В. Г.). Служил там певчим и работал – пек хлеба, кипятил кипяток (так в тексте. – В. Г.) для богомольцев и вообще выполнял всю черную работу. Поживши в монастыре, видя там пьянство и разврат, я разочаровался и ушел...»

Судя по тону рассказа, человек старается представить себя невинной, пострадавшей стороной. Он угодливо говорит то, что должен оценить, одобрить следователь (уже знает по опыту). Все шло в дело. Гнусные наговоры на духовную обитель, приютившую когда-то сироту, чекисты оценили по достоинству.

Михаил Поздеев с готовностью соглашается сотрудничать с органами, доносить о подозрительных словах и действиях, обещает «быть полезным всей СССР». Выяснилось, что еще в 1923 г. Поздеев был завербован как «осведом» (осведомитель) Пермского окружного отдела ОГПУ, но связь с «вечным путешественником» была потеряна.

Важно отметить, что самозванчество, или самозванство, расценивалось тогда как форма антисоветской борьбы. За подобную деятельность другие «Романовы» (в Барнауле, Смоленской и Тверской губерниях) были расстреляны. Очень показателен приговор 1928 г. «тройки» при Секретном отделе ОГПУ, которая потребовала по делу самозванцев:

- «1. „Царя“ расстрелять.
2. Попов и кулаков – 3 г. лагерь.
3. 2 бедняков освободить...»

А Поздеев получил за «антисоветскую агитацию» пять лет концлагерей. Так и хочется сказать: «Всего!»

Такой человек был нужен чекистам, на подобных информаторов всегда делалась ставка. Вот как он объяснял на допросе в Кунгурском ОГПУ, почему же он согласился с верующей (точнее сказать, легкой-верной) бабушкой, когда та в 1925 г. впервые назвала его «князем

Михаилом»: «...согласился я выдавать себя за князя лишь потому, что хотел узнать, действительно ли на самом деле они живы (т. е. эти князья и княжны), и сообщить об этом куда следует (!). Цели какой-либо наживы или еще чего с моей стороны не было».

Поздеев рассказывал единоверцам, что был осужден коллегией ОГПУ к пяти годам ИТЛ и наказание отбыл в Соловецких лагерях. Но не упоминает, что он был освобожден досрочно. Все-таки он был нужен органам, ибо охотно оказывал им услуги в качестве «осведома». К нему применяли довольно щадящие меры наказания (по сравнению с другими самозванцами), даже несмотря на то что в обвинительном заключении, предъявленном Поздееву 4 апреля 1936 г., опять вспомнили его постоянный грешок, связанный с излишней болтливостью: «...служитель культа – монах достаточно изобличается в том, что он, будучи секретным осведомителем, умышленно расконспирировал свою связь с нашими органами, также в контрреволюционных целях распространял провокационные слухи о якобы появившемся б[ывшем] царе Николае Втором, его брате Михаиле и выдавал себя за б[ывшего] князя Михаила Романова».

Сам же Поздеев объяснял при каждом своем аресте, что он рассказывал об этой своей секретной связи только представителям власти, чтобы они его отпустили... «для дальнейшего выполнения задания»!

Не случайно лже-Романовы появлялись в религиозной среде, они и порождались в значительной степени этой средой, верующими «низами», оказавшимися в тисках советской действительности, агрессивной атеистической идеологии.

Трудно представить, в самом деле, как можно было верить в поддельные фотографии (простенькие грубоватые коллажи). На них Поздеев красовался вместе с представителями царской фамилии или с патриархом Тихоном. Но ведь ему верили! Знаки своего «высокого происхождения» «князь Михаил» подавал церковному активу, переходя на иностранные языки. Знал он якобы 12 (на самом деле говорил он только на родном вотском, который относится к финно-угорской языковой группе). Или когда рассказывал о заключенном соглашении иностранных держав, согласно которому «Михаил должен быть возведен на престол уже в 1928 г.».

Но пример с «иностранным вмешательством» – это, пожалуй, самая радикальная выдумка М. Поздеева. Обычно для него характерна быто-

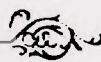
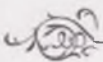
вая мотивация поступков. Своеобразие этого авантюриста в том, что он считал себя талантливым актером. Он действительно играл одно время в передвижном театре, ездил по деревням и весям с цирком, причем исполнял «исключительно женские роли», по признанию самого «монаха». У него был «женственный голос», как говорил один из свидетелей. С этим связаны и психофизиологические особенности данной личности.

• • •

В рассказах самозванного «князя Михаила» мы встречаемся с удивительным коктейлем из правды и вымысла и часто – с откровенной подтасовкой фактов и с народной легендой, которая облечена в сияющие одежды страдальца за веру. Вернемся к книге о Михаиле Поздееве, написанной о нем как... о владыке Серафиме. Написал ее архиепископ Иоанн (Береславский), но автор не имеет отношения к Русской православной церкви. Он представляет экстремистское по духу религиозное объединение – Истинно-православную церковь (ИПЦ). Члены ее не признают ни существующей власти, ни требований общества (документов в том числе), ни Московский патриархат, а «истинно-православными», естественно, считают только себя. ИПЦ недаром называют катакомбной, скрытой церковью¹.

Не случайно в показаниях арестованных в начале 1950-х гг. членов этой секты упоминаются надежды на то, что Америка объявит войну СССР, что американцы коммунистов уничтожат с корнем, поступят с ними так, «как Гитлер поступил с евреями», и прочее в том же духе. И вдруг в рядах радикалов – наш старый знакомый, да еще в роли чуть ли не их духовного лидера, владыки и святого! Это как-то не вяжется с его прежними, достаточно осторожными эскападами. Во всяком случае, в экстремизме Поздеев замечен не был. Возможно, здесь сыграл роль случай: больной старик остался с теми, кто его пригрел, накормил (произошло это в Бузулуке, где оказался странник в начале 1950-х гг.). Но более вероятно другое объяснение. Помня о давних «секретных связях» М. Поздеева

¹ Последователи одного из ответвлений этой секты из Пензы напомнили о себе всей стране осенью 2007 г., когда ушли под землю, чтобы там дождаться близкого конца света. Акт.

с органами, можно предположить, что и в рядах «истинно-православных» он оказался совсем не случайно. Кстати, всех членов секты органы выявили и выловили довольно быстро. Произошло это вскоре после появления в их организации «князя Михаила». Об этой своей роли он вспоминал и в послевоенные годы, правда уже редко.

На допросах Поздеев, как всегда в такой ситуации, был предельно откровенен и даже не в меру словоохотлив. Впрочем, если судить по книге «Воскресшие Романовы?..», и другие члены ИПЦ, привлеченные по делу, образцы стойкости не проявляли и друг друга выдавали «с потрохами», рассказывая следователям о всех раздорах и склоках.

Недавно появилась еще одна публикация, книга «Соловки – вторая Голгофа». Ее автор, архиепископ Иоанн, пишет о владыке Серафиме в очень уважительных тонах, например так: «...перед тобой таинственный столпник. Кто он? Серафим ли? Михаил? Страшно даже подумать, кто стоит в двух метрах пред тобой с воздетыми руками: сам Господь ли? Серафим Саровский, в нем молящийся? Не посмеешь и приблизиться... Жизнь в Бузулуке казалась ему скучной. Свидетельскую благодать, которую познал в лагерях, на воле не чувствовал и питался от страстных вод крестного источника единою молитвой». В подобном состоянии владыка поступал следующим образом: развернет свой маленький «казачий» переносный шатер на втором этаже кирпичного барака, в квартире дочери своей Матроны, и «восхитится в молитве».

На склоне лет владыка Серафим вел такой образ жизни, что жители Бузулука в 1960-е гг. считали его городским сумасшедшим. Как пишет автор его жизнеописания, «кто-то принимал его за безумца, и общая репутация пьяницы и 80-летнего тунеядца спасала его от еще более тяжких подозрений в религиозной деятельности, что, с точки зрения органов, было более крамольным, нежели пить дешевый кагор и лежать распластанным на пыльном тротуаре» (!).

По автору, владыка томился в миру, любимейшим занятием его было юродствовать. Но обоснование такому поведению владыки архиепископ Иоанн выдвигает свое: «...помыслов вообще никогда не имел ни о чем земном. Всецело был погружен в соловецкую сферу – на нем был долг неопишуемый за тысячи душ, о которых он должен был молиться». И еще: «Всю землю видел как сплошной концентрационный лагерь со столицей

в Соловках. Бузулук был просто одной из провинций Соловецких, а дома казались ему двухэтажными, населенными экаками бараками...»

Жизнеописание «князя Михаила» было перепечатано и в краеведческом сборнике, вышедшем в Перми под названием «Уральская Голгофа» в 2007 г. В книге немало интересных сообщений, есть и документы, которые впервые вводятся в научный оборот. И есть одна вполне анекдотичная история, о которой говорят: все это было бы смешно, когда бы не было так грустно.

Это и привело, думается, к тому, что на конференции в Санкт-Петербурге, прошедшей в июне того же года, прозвучало неожиданное предложение: провести эксгумацию останков М. А. Поздеева (похоронен он в Бузулуке), самого известного из самозванных Михайлов, и соответствующую экспертизу, чтобы раз и навсегда покончить со слухами...

Так стоит ли ехать в Бузулук, нужна ли еще экспертиза? Писательница Наталья Чернышова-Мельник, автор книги о Михаиле Романове, убеждена: нужна.

Думаем, что это лишнее... На такой же позиции стоит и доктор исторических наук Сергей Львович Фирсов (Санкт-Петербургский госуниверситет). Он выступал на пермской конференции в 2013 г., посвященной 400-летию дома Романовых, с докладом «К истории мифотворчества». В основу его исследования была положена как раз история лже-Михаила, «соловецкого патриарха» Поздеева¹.

Суровые реалии жизни, примеры преследований верующих, ужасающие подробности лагерной жизни причудливым образом переплетаются в повествовании отца Иоанна о Серафиме (Михаиле Поздееве) с вымыслом, откровенным блефом. С одной стороны, человек действительно перенес страдания. А с другой... В многостраничном тексте то и дело встречаются факты, которых на самом деле быть не могло, не подтверждаются они ни хроникой, ни документальными свидетельствами. Когда речь идет о том, что Поздеев якобы был близок с самим патриархом Тихоном и т. п., тут уже в образе многострадального владыки Серафима проглядывает лукавый бродяга-артист, с легкостью называвший себя Михаилом.

¹ *Династия Романовых в культуре и искусстве России и Западной Европы. История и современность: Материалы международной научно-практической конференции / Сост. А. И. Пестова. Пермь – Чердынь – Ныроб, 2013.*

Поздеев – никакой не владыка, он как раз тот, кого в народе называют (в сердцах) – самозванец несчастный.

«МИХАИЛА ВАМ ИСКАТЬ НЕ НАДО», ИЛИ БОЛЬШАЯ ВЕРСИЯ КРАСНОУФИМСКОГО ЗНАХАРЯ

...Анастасия, младшая дочь Николая Романова, была убита в июле 1918 г. и похоронена в Петербурге вместе с другими екатеринбургскими останками. К такому выводу пришли ученые.

– Но я-то жив! – воскликнул человек, считающий себя... сыном той самой Анастасии.

Вот такое опровержение.

Зовут этого человека Афанасий Осипатрович Фомин. Живое воплощение несогласия со всеми теми, кто похоронил Анастасию вместе с другими узниками Дома особого назначения. В первые минуты нашего знакомства, уловив, видимо, в тоне моих вопросов недоверие, он сразу ошарашил журналиста одним движением.

– Меня же сколь раз хотели убить с малых лет, не верите? Заколоть пытались, показать?

– Но я же не Фома неверующий, – сказал я, но помешать собеседнику уже не мог.

Он скинул рубашку и показал шрам под мышкой.

– У меня большая версия, – сказал он мне.

Суть ее вкратце вот в чем...

Спаслись во время казни в Екатеринбурге двое царских детей – Алексей и Анастасия. Страшно израненных палачами, их вынесли, спрятали и вылечили верные люди, какие были в окружении Ипатьев-

*Печник с загадочной биографией
(Афанасий Фомин)*

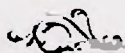
ского дома. Дали какие-то таблетки, приняв которые человек впадает в «неживое» состояние, становится похож на мертвеца. Анастасия, младшая дочь Николая и Александры Романовых (1901–1918), была якобы спрятана после чудесного спасения в дальней сибирской деревне под другим именем – Олимпиада Николаевна. Вышла замуж за простого сибиряка Осипатра Фомина, родила от него двух детей – Ивана и Афанасия. Но Ваня, Ваньчик, как его звали, был умерщвлен двумя агентами советских спецорганов, которые все же напали на след царской дочери, добрались до дома и пытали ее, заставляя признаться в своем происхождении. Но женщина не призналась даже под страхом убийства ее малыша. В 1931 г. ее все-таки выследили и убили в сельсовете, где она работала, причем убийство было подстроено так, что вину за него агенты заставили взять на себя мужа «Анастасии». Осипатр Фомин был осужден, а малышей сдали в детдом.

Вот такая страшная родословная, которую рассказывает теперь пенсионер, всю жизнь скрывавшийся от преследования, мотавшийся по стране, а последние годы проработавший печником в пожарной охране маленького уральского городка. Живет Афанасий Осипатрович с женой Валентиной Федоровной в небольшом домике на краю Красноуфимска, напротив кладбища. Супруга, кстати, узнала секрет мужа тоже не очень давно и поверила ему. У них взрослая дочь, живет отдельно.

Если со стариком поговорить по душам, многое может открыться в истории человеческой души. Тут и стремление оказаться в центре внимания после долго молчания и прятания. Тут и доверчивость его самого, и желание поверить, уверовать в возможность чуда, в самое удивительное, что слышал когда-то в детстве от близких. Тут и элементы невольной мистификации, блефа, это уж всенепременно. Тут и мания преследования: мы насчитали совместно с Афанасием Осипатровичем около пяти случаев покушений на него, т. е. когда жизни его реально угрожали.

Начиная с раннего детства: в деревне к нему, катавшемуся на санках с горки, подскочили двое неизвестных, крепко привязали малыша к санкам и столкнули его, направив прямо на угол ближайшего дома. Он должен был разбиться, однако помогло то, что санки подскочили на ямке, вильнули и влетели прямо в окно, под зыбку...

Но самое реальное, пожалуй, во всей этой истории – обида человека на судьбу, на власть, которая заставила его столько мыкаться в положении

сироты. Фомин хочет раскрыть тайну гибели своей матери и хочет добиться реабилитации отца (позднее воевавшего на фронте), обвиненного в страшном преступлении. Вот поэтому он открылся в конце 1990-х гг., «когда стало можно».

– Я просто выполнил завещание своего отца, – говорит Афанасий. – Он пришел с войны израненный, недолго пожил. Сказал мне, умирая: «Откройся только тогда, когда власть сменится». Это насчет матери нашей...

Вот поэтому Афанасий с помощью своего адвоката Галины Бардиной добивается документов в различных инстанциях. И есть первый проблеск: помогло обращение на имя президента Путина. Из тюменских архивов начали поступать первые документы, а еще пять лет назад шли отрицательные ответы о том, что такой семьи вообще не существовало. Правда, о матери своей Фомин по-прежнему не получил ни одной справки.

Между прочим, одного из «внуков цесаревича Алексея» (Романова-Дальского) Афанасий разоблачил быстро:

– Вранье! У Алексея не могло быть детей. Я видел следы ранений, когда мы купались с ним: убийцы проткнули ему яички штыком, они вытекли.

Не забудем еще и этот момент: царевич Алексей ведь тоже, оказывался, спасся. По «большой версии», он принял другую фамилию и не раз менял ее. Когда Алексей отыскал своего «племянша», он был «Владимир Смирнов». А под конец жизни стал монахом и умер в Полтавском монастыре. Если надо, Фомин покажет его могилку.

Все это настолько похоже на сон, что...

Я спросил Фомина, не видел ли он себя хоть разочек во сне царем.

– Себя нет, – ответил он серьезно, – а вот Николая увидел, на Крещение это было. В окошко стучит. «Заходи!» – приглашаю. Его сразу и не стало.

И вдвоем с Александрой Федоровной приснился Николай однажды. «Это – тайное! Не рассказывай никому», – сказал мне император.

Однажды он вместе с моей матерью по озеру уходил, по глади озера, легко так. А перед этим спрашивает меня:

– Здесь мать?

Я показываю, где она. А Николай говорит мне:

– Ты меня дедушкой не зови!

И после этого они пошли по озеру-то, аки посуху.

Рассказывал царь во сне мне, как заманили их в подвал и как взорвали всех...

Фомин не выдерживает и в крепких выражениях комментирует:

– Все предали ведь его. Я бы сражался за него до последнего!

Супруга усмехается:

– Да, он такой у меня, этот не отступит от своего.

Михаил Александрович, великий князь, Афанасию тоже приходил во снах.

...Однажды в окошко заглядывает – как наяву!

– Миша, ты?

Он молча поворачивается, а по щеке у него кровь течет.

– Что это у тебя кровь-то по щеке, стой!..

А он поворачивается и так же молча исчезает. И только слезы блеснули в его глазах.

• • •

Версия без материальных признаков – пуста. И они есть у него, «царские знаки».

Это фотографии Анастасии и ее родственников, т. е. по линии матери Афанасия, которая очень похожа на младшую дочь царя, только с пятном на щеке. «Это известка, – поясняет он, – в сельсовете работала».

Это «финансовая» печать Николая Романова, это серебряный портсигар, полученный в подарок от Алексея (точнее, половинка портсигара с изображением мальтийского креста).

Это серебряное колечко, которое, как сказал сам Афанасий, он хотел приладить по глупости для своего пальца, распилил, и совершенно зря. Спрашиваю, когда он подарит колечко супруге.

– Нет, пока рано, – загадочно отвечивал он.

Если надо, если «правительство поможет», он и царские клады откроет. Самому Афанасию ничего не надо, все для России отдаст.

...Как относятся к новоявленному «наследнику» окружающие?

Адвокат занимается его делом с желанием помочь в переписке, в добывании документов и просто «ради интереса». Одно только непонятно юристу Галине Бардиной: почему в случаях с самозванцами не прибегают к генетической экспертизе, ведь генетика – «дама строгая», родная мать истине, так сказать...

Журналистка Людмила Стародумова ведет свое журналистское расследование, уже не раз печатала материалы на эту тему. С Афанасия Фомина

она взяла даже расписку в том, что тот говорит «правду и только правду». Вот такая своеобразная форма подстраховки.

Местный краевед выпустил недавно книгу, куда включил и историю А. О. Фомина – без всяких сомнений.

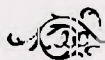
Женщина – архивный работник, рассказавшая мне о своем знакомстве с Фоминым, относится к старику со спокойным любопытством. И даже благодарна ему за то, что тот умеет снимать ее боли...

«Во многое ведь верится», – говорили мне люди, хотя... Вся эта история с сыном Анастасии облечена флером загадочности, много здесь неясного, все еще предстоит перепроверить, и не по разу. Но что интригует: к Фомину уже три раза, под разными предлогами, прибывали на его тихую улочку гонцы, предлагавшие «наследнику страшной тайны» весьма кругленькие денежные суммы – то на «продолжение исследования», а то и прямым текстом: «Чтоб замолчал, прекратил все свои заявления».

Афанасий, живущий бедно и неприветливо, от денег гордо отказался. Говорит, что правдой о матери он не торгует. Этот крепкий старик с живыми глазами на загорелом лице не берет, между прочим, деньги и за то, что лечит людей. Слава о нем как о знахаре – на всю округу. Но теперь красноуфимцы еще больше «зауважали» Афанасия за то, что он – царский отпрыск. Местная знаменитость...

• • •

Пермских исследователей романовской темы Фомин поразил своим заявлением, что захоронение великого князя Михаила Романова, убитого в Мотовилихе в ночь на 13 июня 1918 г., искать не надо. И уже давно не надо! Оказывается, летом 1946 г. группа сотрудника МВД Ивана Виташа, приехавшегося родственником А. Фомину, съездила в Пермь и выкопала останки Михаила. Указал место один пленный австриец, которого звали Осип или Иосиф. Этот пленный попал в зону, которую охранял Виташ, и случайно (а может, неслучайно) проговорился, что знает место захоронения Романовых, потому что в Гражданскую войну воевал на Урале, был знаком и с охранниками дома Ипатьева. Вот Виташ, человек, видимо, с авантюрными наклонностями, взял полуторку и поехал за «реликвией». В поездку напросился и Афанасий, которому было тогда лет 15. В группе было шесть человек.

Нашли могилу не сразу, по приметам, подсказанным австрийцем.

– А где нашли, можете указать? – спрашиваю я Фомина.

– За Мотовилихой пермской. Километров шесть-семь проехали, и на правой стороне от железной дороги. Сосняк мелкий, березы, дорожка там была, под низом мост шел, в обрыв, полуторка наша пересекала это все. Поляна, где лошади, коровы пасутся. На одной сосне, помню, написано было «Князь Михаил» или что-то такое... не на севере, не отсюда вот (рисует схему на полях газеты «Версты», которую выписывает), а на юге... на западе, на западной стороне надпись: «Смерть Романовым». Никаких складов рядом не было. Узкоколейку заросшую проезжали еще. А в ложбине могила ихняя была, Михаила и писаря его. Вместе были брошены, голыми, ничего на них не было. Я там гильзу нашел, у меня она, покажу, если хочешь.

Рассказ Фомина в некоторых деталях совпадал с воспоминаниями милиционера Новоселова, одного из участников казни Михаила Романова. Но «наследник» не читал ни этих воспоминаний, ни других – никаких.

– А почему нужно было забирать останки Михаила?

– Не знаю. Соединить с другими останками, других родственников, хотели, что ли... не знаю.

– Почему именно в 1946 г.? Время-то вроде бы не очень подходящее?

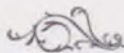
– Не знаю. Это не мое дело. Виташу Ивану Андреевичу, значит, нужны были какие-то доказательства. Он с австрийцем Осипом познакомился в зоне, начальником которой был. Тот ему по пьянке рассказал, что был знаком с охранниками Романовых. И место могилы Михаила узнал от них. А вы ничего не знаете там никто.

– Да, так получается. Ищем, отрабатываем версии разные...

– Не найти вам. Не найти, потому что кости Михаила у нас, и череп его, и все.

– А где «у нас»?

– Ну мы привезли и спрятали, до поры. Мы выкопали кости те, сложили их в мешки сразу. Михаил длиннее был того, второго, тот маленький ростиком. Потом все заровняли, мхом забросали – век не найти могилу. Ехали-ехали, а ведь опасно с костями большими ехать. Доехали до какой-то деревни, на горе церковь стояла, под горой кладбище, могила вырыта – давайте их туда схороним. Соскочили мужики в могилу, углу-

били ее, кости те и сложили. А тут идет девочка с ребенком маленьким, мертвым. «Дяденьки, – ревет, – схороните ребеночка». А куда? Ну Иван говорит: «Давай подкопаем нашу могилу». Туда схоронили и ребятенка. А мелкие кости, череп, челюсть, ребра мы взяли с собой. Останки писаря мы с собой не брали, там оставили, на месте.

Сейчас он говорит, что времени прошло слишком много, чтобы указать точное место, сетует: «Знал бы, что так важно, все бы выпытал у Ивана, он же был мужем моей сестры Анны».

Афанасий вспомнил еще одну деталь:

– На черепе Михаила, на затылке, была дыра. И на правом виске, вот здесь, тоже дырка.

– Тогда что ищут в Перми, скажите на милость? – спрашиваю я. – И потом: в Пермь приезжала три года назад глава зарубежного дома Романовых великая княгиня Мария Владимировна с царевичем Георгием и тоже ведь напутствовала пермяков: «Ищите, мы будем за вас молиться...»

– А не найти вам, потому что голова Михаила, череп и кости у нас находятся. В редакции хранятся местной газеты, которая дело мое ведет.

– Так вам надо бы их передать давно, как полагается, законным путем, так ведь? Дело завести уголовное, экспертизу провести...

– Приедет скоро за костями академик, Алексеев его фамилия, передадим ему (речь идет о екатеринбургском историке, оставшемся в оппозиции официально признанной версии в деле останков царской семьи. – В. Г.). И Марию Федоровну привезут, результаты экспертизы останков матери царя. Вот они где будут, гены-то! Как они (в Екатеринбурге) опозорятся тогда!

Под грузом впечатлений от всего услышанного я решаю еще раз удостовериться:

– Ничего не надо искать уже, значит, Афанасий Осинатрович?

– Не надо, – твердо ответил «наследник». – Михаил здесь.

Где «здесь»? Сначала он говорил, останки закопаны в лесу. Затем – что подхоронили череп к останкам брата, т. е. Николая с семьей. Потом выкопали, чтобы передать ученым. То в редакции, в холодильнике, то нет. В редакции «Впередки», как называют газету красноуфимцы, мне сказали: «У нас останков уже нет».

«Темнит „наследник“, – подумалось мне, – ох, темнит. Свою игру какую-то ведет знахарь».

Уже под вечер (ночевать меня любезно оставили в «царских хоромаш») Афанасий вдруг спросил:

– А хочешь прославиться, Владимир? Передам тебе череп Михаила, и все. Пермь чиста, это не Свердловск, я же писал Ро-щиину (так он называет почему-то фамилию Росселя, тогдашнего губернатора. – В. Г.), предупреждал: ложные останки хороните. Акт составим с тобой, не так просто, войдешь в историю, а?

– Нет, – быстро ответил я.

На миг мне даже подумалось, что хитрый знахарь таким способом изучает людей, общество из своего уголка. К нему сейчас многие ездят, с разными целями. Афанасий «обкатывает» на всех свою крайне необычную версию, некоторым делает заманчивые предложения. И наслаждается, сравнивая, изучая человеческий материал, следит за произведенным эффектом...

Позже я узнал, что Фомин все-таки вместе со своими помощниками, адвокатом и сотрудницей местной газеты, передал часть останков на экспертизу в Екатеринбург. Сделано все было не совсем по науке, а точнее, совсем не по научной методологии (челюсть-то почему-то не отдали ученым), поэтому первый ответ экспертов пока мало о чем говорит. Вот он: «Костные останки принадлежат мужчине зрелого возраста».

Может, Михаил, а может, начинается «афера века». Скоро узнаем. Но ведь хочется поверить в находку, вот в чем суть! Ведь есть еще одно странное совпадение по екатеринбургскому захоронению: по приказу Берии оно вскрывалось в том же 1946 г. Или, может быть, знахарь обработал так журналиста, заговорами своими заставляет меня верить в его истории, отыскивать правдоподобие? Но если это так, то... черт с ними, с этими заговорами. Афанасий, считай, что заговоры подействовали, лишь бы дело было!

Лишь бы истину найти в этом крайне запутанном расследовании...

...Самозванство на Руси, по словам В. О. Ключевского, «с легкой руки Лжедмитрия стало хронической болезнью государства». Подтверждает вывод историка исследование, предпринятое в Москве писателем Леонидом Юзефовичем (нашим земляком). Книга его называется «Самые знаменитые самозванцы». Думается, кто-то из лже-Михаилов может пополнить этот список с полным на то основанием.

Писатель рассказывал в одной из радиопрограмм на ту же тему:

– Недавно мне из моей родной Перми прислали вырезку из газеты, где рассказывается, что внук Николая II, сын Анастасии, живет в г. Красноуфимске¹. Правда, это не Пермская область, а Свердловская. Он рассказывает совершенно душераздирающую историю о том, как Анастасия бежала, вышла замуж за его отца, крестьянина, но в 1931 г. чекисты все-таки напали на ее след, приехали и требовали от нее признания. Она не признавалась. Тогда на ее глазах убили его старшего брата. Потом чекисты все-таки убили ее саму, но сделали это так, что вина пала на его отца. И теперь он существует в Красноуфимске, пользуется большим уважением местных жителей. Кроме того, он экстрасенс, занимается какими-то там знахарскими делами, травами. И это все ложится в русло легенды. Он как бы врачеватель одновременно. И «царские знаки» у него есть, конечно... Я думаю, что это увеличивает его клиентуру.

Комментарий специалиста КАЖДОГО ЛЖЕ-РОМАНОВА НЕ ПРОВЕРИШЬ?

Свое мнение по данному поводу высказывает Владимир Николаевич Соловьев, старший прокурор-криминалист Главного следственного управления Генеральной прокуратуры РФ, советник юстиции. Многие годы он возглавлял следствие по убийству Романовых в Екатеринбурге. Мы беседовали с ним во время его командировки в Пермь, среди других вопросов Соловьев изучал обстоятельства убийства Михаила Романова.

– Сначала – о важности исторического исследования. Для меня самое сложное было – объяснение так называемой костной мозоли на черепе

¹ Это была публикация В. Гладышева об А. Фачине. Ред.

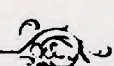
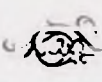
Николая Романова. По ряду свидетельств, на черепе, в теменной части слева, должен сохраниться след от ранения после необъяснимого нападения на цесаревича Николая японского самурая. (Кстати, причину нападения надо искать, скорее всего, в фанатизме охранника. «Объяснение», которое дается в фильме Шахназарова «Царевич», — якобы расшалившийся наследник русского трона помочился в неподходящем месте — это отзвуки большевистской антицарской пропаганды. Надо помнить о том, как воспитывали царских детей, да и не в характере Николая были подобные выходы. — В. Г.). Следов же на черепе № 4 не было. Просто заколдованный вопрос. В моей практике попадался случай с похожим ранением, если все так и было, то это довольно тяжелое ранение, опасность гибели от истечения кровью реальная, я вам скажу. А наш цесаревич, судя по воспоминаниям очевидцев, после перевязки перенес ранение как-то очень легко.

В данном случае нам помогло как раз историческое исследование. Летим мы с Сергеем Мироненко (директор Государственного архива РФ. — В. Г.) в США, я читаю журнал «Источник» и вдруг натываюсь на письма Александра III. Я предложил своему попутчику посмотреть внимательнее переписку отца Николая, сохранившуюся в ГАРФе, может, найдем что-нибудь по японскому инциденту. Так были обнаружены необходимые свидетельства того, как все было...

После дополнительных экспертиз наши ученые пришли к выводу, что при данных условиях «костная мозоль» образоваться не могла. При условиях, указанных в заключении лейб-медиков, оказавших медицинскую помощь Николаю Романову в 1891 г., непосредственно после получения ранения (была срублена костная пластинка размером 20 x 2 мм, это толщина листа писчей бумаги). Вывод наших экспертов: «Следы повреждений при таком ранении сохраниться не могли, поскольку верхние слои царского черепа уничтожены в результате воздействия агрессивной среды (возможно, серной кислоты)».

А массивное воздействие кислоты — это страшное дело, скажу я вам. Некоторые черепа после такой атаки проело до дыр. Мы думали сначала, что это пулевые отверстия (например, на черепе царевны Ольги), а оказалось — от кислоты.

Попросил я своего собеседника высказаться и по поводу версии о том, что захоронения царских останков раскапывались после окончания Великой Отечественной войны. (О том, что в 1946 г. в Мотовилихе были вы-

копаны останки Михаила Романова, рассказывает и житель Красноуфимска, объявивший себя сыном Анастасии Романовны.) Якобы свидетельства тайной чекистской операции хранятся в архивах МГБ – КГБ – ФСБ.

– Мы проверили данную версию. Думаю, никто ничего не раскапывал. В архивах ФСБ действительно есть материалы дела, заведенного в 1946 г. Но – в связи с арестом в Харбине бывших белогвардейских офицеров, которые участвовали в терроре, развязанном в годы Гражданской войны, в том числе в Перми. Кстати, это дело помогло нам снять пуганицу по участнику расстрела царской семьи под фамилией Медведев, о котором пишет и следователь Николай Соколов. Оказывается, в событиях 1918 г. было замешано двое Медведевых, однофамильцы.

Пуганицу вносят дилетанты. Иногда намеренно. Пустили же слухи о том, что ранее, до проведения нашей экспертизы по романовскому делу, в Петропавловском соборе кем-то раскапывался склеп брата Николая, Георгия Александровича, умершего в молодом возрасте. Ничего подобного! Никто туда не лазил. Мы в течение десяти суток вскрывали этот склеп, затем была проведена генетическая экспертиза. Ее данные и позволили нам сделать окончательный вывод о принадлежности одного из черепов бывшему царю. Оказалось, у братьев Романовых прослеживалось одно генетическое несовпадение. Не вдаваясь в подробности данного исследования (за которое авторы получили, кстати, Госпремию), можно сказать, что сравнение генотипов показало совпадение мутации.

Я уж не вспоминаю о том, что некоторые «оппоненты» обвиняли нас в мошенничестве, что романовские останки мы подкинули, похитив их из царских усыпальниц. Чего только не говорят! Если на всякие бредни обращать внимание, работать некогда будет...

Сегодня истории известно более 160 лже-Романовых, т. е. самозванцев. Вот и сейчас очередной «сын царевича Алексея» требует проведения генетической экспертизы. Почему не проводят?

В. Н. Соловьев даже слышать уже не может об этом. Есть свидетельство о смерти членов семьи Романовых – все! У вас другая версия? Пожалуйста, проводите экспертизу. Бремя расходов – на доказывающей стороне. Это очень дорогая процедура. Идти на поводу всяких сомневающихся нет никакой нужды.

Лишний раз это подтвердил недавний случай с «царевной Анастасией» из Грузии. Кстати, ее-то как раз успели проверить, до ее кончины (было

проведено исследование крови), – никакого отношения к царской фамилии. А раскручивалась некрасивая, неприглядная история, между прочим, в Госдуме рядом активных комитетчиков, которым под этим «гарниром» хотелось добиться пересмотра вопросов национализации имущества и т. д. Откровенно жульническая махинация, иначе не скажешь.

Таким образом, лже-Романовы – тема, дающая богатейшую пищу для размышлений не только о добросовестных заблуждениях человека (такое тоже бывает, как мы убедились), но и об откровенном жульничестве.

ПО -ПЕРМСКОМУ СЛЕДУ

После того как в пермских СМИ мною была напечатана история жизни и версия судьбы «сына Анастасии» Афанасия Фомина из Красноуфимска, я долго не мог «отработать» один из самых интересных и многообещающих, как мне казалось, откликов на публикацию. Московский архивист Л. А. Лыкова, знакомая пермским читателям как составитель (в соавторстве с В. М. Хрустальевым) сборника документов «Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы» (Пермь: Пушка, 1996), сообщила, что кое-что в случае с «царским потомком» ей кажется интересным. В частности, не лишены основания, видимо, рассказы о том, что некто ездили на автомобиле в Пермь, чтобы найти и выкопать останки Михаила Романова.

Мы встретились с Людмилой Анатольевной Лыковой в архиве, в котором она сотрудничает уже многие годы после своего отъезда с Урала. Это бывший Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ныне – Российский госархив социально-политической информации. Архив занимает прежнее помещение, только улица теперь называется по-другому, ей вернули старое название – Большая Дмитровка. И фасад здания украшают не только барельефы основоположников «единственно верного учения», но и красавица, рекламирующая ксероксы и другие услуги. В духе времени, как говорится...

Людмила Анатольевна Лыкова:

– Действительно, существуют свидетельства, что в 1945–1946 гг. производилось вскрытие захоронений членов царской семьи и их приближенных.

Об этом писали в конце 1980-х, когда появилась возможность выступать на эту тему, ранее запретную. Занималось раскопками ведомство Берии. Конечно, во всем этом деле остается еще много неясного для исследователей. Темная история, как говорится, но академик Алексеев не оставляет этой темы...

Нужно сказать, что упомянутый академик относится к так называемой оппозиции по вопросу «екатеринбургских останков». Вместе с рядом других исследователей, в том числе и зарубежных, В. В. Алексеев до сих пор считает, что останки, торжественно перезахороненные в Санкт-Петербурге в 1998 г., не царские, что подлинная тайна еще не раскрыта и историческое исследование всех обстоятельств трагедии века еще надо изучать.

Известно, что в 1945 и 1946 гг. по указанию Б. Кобулова, заместителя Л. Берии, велось специальное расследование обстоятельств расстрела царской семьи. При этом тревожилось Коптяковское захоронение под Свердловском. Позднее выяснилось, что подобная операция была предпринята и в Мотовилихе.

В связи с этим В. В. Алексеев обращает внимание на то, что, «по оценке современного следствия, этому захоронению (Коптяковскому) 40–50 лет. Следовательно, оно относится к середине 1940-х гг., что заставляет очень серьезно задуматься...» Историк приходит к выводу, что с останками, обнаруженными под Свердловском, многое неясно, и последующие экспертизы, по его мнению, не внесли ясности в этот вопрос.

Надо отметить, историк В. В. Алексеев – один из тех, кто все еще многого ждет от так называемого пермского следа в деле исчезновения членов царской семьи. В сборнике «Правда о екатеринбургской трагедии» (М., 1998) он пишет, что «до десятка свидетелей, в том числе известный доктор П. Уткин, подтвердили следователю А. Кирсте, что за р. Камой (недалеко от Перми) при попытке к бегству была схвачена женщина, которую называли великой княжной. По свидетельству доктора, она ему призналась: „Я – дочь государя, Анастасия“. (Протоколы допросов, хранящиеся в библиотеке Гарвардского университета.) Вообще, пермский след царской семьи, основательно проработанный в западной историографии (А. Саммерс и Т. Мэнголд, М. Ферро), остался незамеченным в России, а зря. Он таит в себе заряд разрушительной силы...»

Нетрудно догадаться, с какой целью потревожили чекисты захоронения времен гражданской войны. В конце 1940-х, на волне победоносного окончания войны с германским нацизмом, у советских правителей появилась надежда заполучить царские сокровища, «замороженные» в европейских банках. Но для этого нужна была полнейшая определенность в главном вопросе: как и где закончилась жизнь членов царской семьи. Документальная точность потребовалась и в связи с появлением многочисленных лже-Романовых, наследников, претендентов на царское золото. Об этом мы также беседовали с Людмилой Анатольевной Лыковой.

– Тот человек из Красноуфимска – один из многих, кто вот так же живет с убеждением, что он на самом деле не тот, за кого его принимают. Российская история знает столько лже-Романовых... Мне лично всегда интересно знакомиться с их судьбами. И Афанасий Фомин – не исключение. В таких судьбах находит своеобразное отражение драматизм времени, так что... изучать такие случаи все равно нужно. Тут интересна психология поведения, мотивация. Бывает, мы имеем дело с «подставой», может быть и специально посланный человек. Некоторых читателей удивляет, к примеру, то, как много знает «царский потомок». Но чего же тут удивительного: если человека готовить к выполнению такого необычного задания, он обязательно должен освоиться с этой ролью, иметь, как говорится, соответствующую «легенду», это же тоже ясно...

Людмила Анатольевна Лыкова подарила мне очередной, 8-й том, выпущенный в серии «Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах», – «Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг.».

– Это только часть обширных материалов, к которым мы получили доступ в последнее время, – сказала историк. – Можно без преувеличения сказать: то, что сделал Соколов, – это подвиг следователя. Вот поэтому я написала вам на книге: «И один в поле воин...» Далеко не все еще обработано: в архиве Н. А. Соколова 13 (тринадцать!) томов. Есть очень много документов, которые снимут ряд вопросов.

Приведем в пример телеграмму председателя Уралсовета Александра Белобородова, в которой он просит «оставить в Перми для выполнения особого задания» двух товарищей. Что за «особое задание» – предстоит выяснить...

«ОБМАН БЫЛ ОЧЕВИДЕН». ПЕРВАЯ АЖЕ-АНАСТАСИЯ ПОЯВИЛАСЬ В ПЕРМСКОЙ ТЮРЬМЕ

Читая соколовский том «Российского архива», можно уже найти ответ и на один из вопросов оппозиции.

В. В. Алексеев, как мы помним, возлагает много надежд на изучение «пермского следа» в связи с появлением здесь, в Перми, в 1918 г. живой, спасшейся Анастасии. Но вот что выяснил судебный следователь по особо важным делам Н. А. Соколов в ходе следствия, которое он продолжал в эмиграции. В 1922 г. он допросил во Франции ряд свидетелей, среди них был и С. Н. Смирнов, бывший управляющий делами великого князя Иоанна Константиновича и его супруги княгини Елены Сербской. Княгиня сидела в пермской тюрьме и спаслась чудом, а супруг ее погиб в алапаевской шахте. Смирнов также прошел через пермскую тюрьму. И вот что выяснилось по поводу «Анастасии».

...В пермской тюрьме к Елене Петровне (княгине Сербской) явился однажды какой-то местный чекист и спросил ее, знает ли она в лицо членов царской семьи и может ли опознать великих княжон, если ей покажут одну из них. Оказывается, была поймана одна девушка, обвинявшаяся в воровстве, она выдавала себя за дочь государя Анастасию Николаевну. В тот день, как говорил чекист, она «была избита красноармейцами и предъявлена быть не могла». Позднее ее привели и посадили в одну камеру с Еленой Сербской.

*Анастасия (справа) с Ольгой
Александровной, любимой сестрой
Михаила*

*Елена Петровна и Иоанн
Константинович Романовы*

Александровича Романова. Если верить его показаниям, великого князя увезли несколько человек.

— Полковник Знамеровский смотрел на его увоз как на спасение, — рассказывал Смирнов. — Ничем он не мотивировал такого своего взгляда. В то же время я категорически и совершенно точно удостоверяю факт, что Знамеровский сам абсолютно не был осведомлен о существовании какой бы то ни было организации, которая бы хотела спасти великого князя. Он

«Обман был очевиден, — пишет Смирнов, — и поэтому никакого разговора о том, почему она называла себя великой княжной, не было. Это была профессиональная воровка, побывавшая везде в России, была она и в Японии. Она учила Елену Петровну петь тюремные песни и говорила, что ее паспорт весь испещрен тюремными отметками.

Когда Елена Сербская посоветовала ей, чтобы она вернулась к честной жизни, несчастная воровка отмахнулась:

— Кто же возьмет меня с таким паспортом...»¹

Таким образом, пермская «Анастасия» образца 1918 г. — миф, выдумка, так сказать, первая проба, что и неопровержимо доказано следователем Соколовым.

С. Н. Смирнов, секретарь княгини Елены Сербской, ценный свидетель, прошедший пермскую тюрьму, рассказал некоторые подробности и о похищении Михаила

¹ Российский архив. Т. 8. Н. Соколов, предварительное следствие 1919–1922 гг. / Сост. Л. А. Лыкова. М., 1998.

думал, что кто-то увез Михаила Александровича для спасения. Ни на чем фактическом эта вера его основана не была.

Я был уверен в спасении августейших особ в Алапаевске. Моя вера была основана на том, что нас-то именно в том и обвиняли, что мы прибыли с целью спасения их и участвовали в заговоре, благодаря которому они спаслись. Я так и смотрел на дело Михаила Александровича. Сквозь эту призму я рассматривал то, что говорилось мне Знамеровским и Челышевым. Значительно позднее, когда убедился я в убийстве в Алапаевске, когда понял, как они (большевики. – *Ред.*) лгали, предъявляя нам обвинения, я понял, что, конечно, убит и Михаил Александрович.

А ЕСЛИ «СДВИГ ПО ФАЗЕ»?

В том страшном 1918-м на политической арене в Перми появлялись и совершенно экзотические, странные типажи. Например, по делу о «похищении» М. А. Романова проходила некая Вера Кулеш, психически неуравновешенная гражданка, жившая то с одним комиссаром, то с другим. Но ее недавним друзьям все же пришлось вспомнить о служебных обязанностях, когда дамочка вдруг заговорила, с пьяных глаз (8 бутылок вина выпили!), что она на самом деле княжна Голицына, что она приехала в Пермь по секретным делам.

За длинный язык ее сразу арестовали, на допросе в ЧК обвинили «в тайном сговоре с Михаилом Романовым и подготовке его побега».

Протрезвев в одиночной камере арестного дома, «княжна» «начала первничать... разбила стекла и ела их». В показаниях этой больной, явно неадекватной женщины, расстрелянной под горячую руку, читаем такое признание: «На пятый день Пасхи я вспомнила о пари с офицерами, взяв книгу „Похождения княжны Таракановой“, и по этой книге я составила план для выигрыша пари, надеясь на благополучный исход. По прочтении книги я пошла в Исполнительный комитет и застала там Башкирова... и обратилась к нему со словами, что „мне нужно переговорить по секрету“, что сейчас же нужно ехать на пристань и арестовать княжну Голицыну с ее слугой, имеющим переписку к Михаилу Романову от Татьяны Романовой...»

Такая вот особа заявляла на пирушке, что «может поднять весь город». Арестовывать ее приехал сам тов. Малков, главный пермский чекист...

...Много лет спустя, в 1970-х гг., в пермских реставрационных мастерских работала Серафима Ж. Она рассказывала, что у царя-батюшки якобы еще одна дочь была, тайная, потому что скрыли ее рождение от всех, т. к. девочек и так много в царской семье народилось. Наследника ждали, а родилась девочка. И вот эта дочка тайная жива... Вот и внешне Сима на царя была похожа. (Примерно в то же время появились слухи, что «царская дочь» живет в Лысьве.) Спустя время у Симы-Серафимы мания преследования проявляться стала, ей казалось, что за ней следят. Потом, когда уже заболевание стало прогрессировать, ее отправили на лечение. Она тогда постилась до крайности... колдуны ей мерещились.

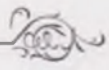
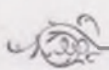
МИХАИЛ ЖИЛ, МИХАИЛ ЖИВ, МИХАИЛ БУДЕТ ЖИТЬ?!

В 1990-х гг. появились новые «наследники» – от Москвы до самых до окраин. В столице громогласно самопретендовался Романов-Дальский, «внук царевича Алексея».

И вот очередная «новость», уже в новом тысячелетии: объявилась дочь великого князя Михаила Романова. По ее версии, родилась она в 1957 г. от позднего брака Михаила Александровича, который скончался якобы в 1968 г. «Дочь» добивается общественного признания через сравнение с ДНК самого Михаила, место захоронения которого ей известно, и оно «не в Пермской области». Если экспертиза не будет сделана российскими властями, то эта отчаянная женщина готова подать жалобу... в Страсбургский суд.

Это уже не первое сообщение о самозванцах, эксплуатирующих имя Михаила Романова. В желтой прессе с завидной регулярностью повторяются сведения о бегстве Михаила в Среднюю Азию и о его потомстве в Крыму. По сведениям доктора Краснова, и в Америке объявился человек, который выдавал себя за Михаила.

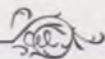
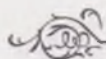
В 2012 г. Пермь посетил турист из Испании со своей загадочной историей происхождения. На память от встречи с ним и его переводчицей-

референткой (по-русски испанский «гранд» не говорил) у меня осталась визитка, из которой следовало, что нас посетил Иосиф Г. Романов де Клонар-Бурбон, «русский кронпринц в изгнании», представитель дома Романовых в Испании, потомок великого князя Михаила Александровича. Ничего, кроме недоумения и кучи вопросов, его фантастическая, изобилующая невероятными зигзагами «родословная» у нас с Татьяной Павловной Чураковой (сотрудницей музея, также общавшейся с потомком) не вызвала.

С другой стороны, человек специально приехал, чтобы почтить память, узнать подробности, совершить паломническую поездку... Само по себе это заслуживает уважения, согласитесь...

Феномен самозванчества удивительно живуч... Преодолеть эту «детскую болезнь» можно только при одном условии: власти должны не только открыть доступ во все архивы, но и поощрять архивистов на поиск и публикацию всех документов, связанных с Михаилом и его временем.

Паломники. В. Краснов и Д. Кроуфорд из США. 12 июня 2008 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

МОСТ В БУДУЩЕЕ

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

В последнее время о великом князе Михаиле Александровиче Романове – де-юре последнем российском императоре – пишут довольно много. Выходят книги, снимают фильмы. К самым значительным работам можно отнести исследование англичан Дональда и Розмари Кроуфорд «Михаил и Наталья. Жизнь и любовь», впервые вышедшее на русском языке (М.: Захаров, 2008); телефильм «Призраки дома Романовых», показанный на НТВ к 90-летию убийства царской семьи, книга В. Хрусталева «Великий князь Михаил Александрович» (2008). Вместе с тем на царскую тему публикуется немало баек, выдумок, непроверенной информации и просто нелепиц, и, что характерно, реанимируются газетные утки, запущавшиеся в обращение еще большевиками, с четко выраженной пропагандистской целью, с острой антисамодержавной направленностью.

Гражданская война на Урале – это еще и соперничество противников в искусстве дезинформации. Кто кого переговорит и заговорит и оболванит массу, как тот шут из русской народной сказки, семь шутов перехитривший.

Справедливости ради нужно отметить, что с противоборствующей стороны также допускались дезинформационные «газовые атаки» и удары ниже пояса.

В Перми при Колчаке очень быстро был налажен выпуск газеты «Освобождение России». Повсюду распространялось объявление, что редакции требуются на работу опытные хроникеры. Посмотрите, сколь убедительно

звучит воззвание к будущим единомышленникам (передовая статья третьего номера): «После ужасов последних месяцев пермяки еще не могут поверить, что они освобождены, и это вполне понятно. Но пора опомниться и приступить к восстановлению нормальной жизни. Имейте полное доверие к генералу Пепеляеву, который освободил вас и никогда не отдаст Пермь (!) большевикам».

Пройдет всего около полугода – и Пермь будет сдана Красной армии.

За неимением «опытных хроникеров» колчаковские газетчики часто прибегали к заимствованиям, перепечаткам и просто выдумкам. В одном из первых номеров той же газеты рассказывалось о смерти знаменитого русского певца. В заметке «Смерть Ф. И. Шаляпина» сообщаются «доверенные сведения расстрела красными Федора Шаляпина «за контрреволюционность».

«...Точно неизвестно, когда и за что Шаляпин был приговорен к смертной казни, – пишет корреспондент П. – Друзья Шаляпина помогли ему бежать, на границе с Финляндией он был застигнут красными, но не сдался живым (!) и был застрелен. Какой-то злой рок висит над русским искусством...»

Эта чистой воды газетная утка была напечатана со ссылкой на газету «Приморская жизнь», но суть дела, конечно, не менялась.

Во втором номере «Освобождения России» под редакцией Б. А. Броневского пермяки прочитали леденящие душу подробности того, как провели последние дни члены царской семьи. В заметке под названием «Зверства большевиков» публиковались различные версии, слухи – все шло в дело: и правда, и вымысел. Со ссылкой на расследование английского генерала Нокса газета рассказывала, что бывший русский царь и его семья спали прямо на полу, укрывшись шинелями, «великие княжны неоднократно насиливались пьяной бандой, охраной из латышей и мадьяров».

И тут же сообщалось, что у станции Кын было найдено «10 офицеров с отрезанными половыми органами». Понятно, все это печаталось для того, чтобы отрезать путь к отступлению, чтобы не допустить никакого братания с противником. Ожесточение и озлобление противников достигало высшей точки кипения.

Обыватель верил всему. Не мог не поверить, потому что многого наблюдал, потому что знал, на что способны и большевики. Например, обстоятельства убийства архиепископа Андроника стали известны вскоре

после случившегося. В «Освобождении России» сообщалось, что местный пастырь был закопан живым в землю.

Информационная война на царскую тему докатилась и до наших времен. В первые годы нового тысячелетия по страницам российских изданий начала гулять версия – уж какая по счету! – «чудесного спасения» великого князя Михаила Александровича Романова.

В газете «Жизнь», в «сенсационной» статье «Загадка последнего русского паря», сообщается: великий князь, оказывается, не был убит, он чудом спасся, а затем ему помогли в Белогорском монастыре. После этого он начал подвижнический путь старца.

«...Путь отца Серафима начинается из Белогорского монастыря, а он находится недалеко от места расстрела Михаила Романова, – читаем мы в статье (это Мотовилиха-то недалеко!). – Истекая кровью, туда пришел человек. Иноки монастыря его узнали и выходили. Он прожил в монастыре несколько лет под именем Михаила Поздеева...»

Пермские большевики взяли в оборот свалившегося им на голову «Мишку на час» – так они язвили по поводу последнего претендента на царский трон – буквально с первых дней его пребывания в городе. Не получив никаких инструкций, местные власти решили для собственного спокойствия засадить ссыльного в тюрьму. Потом они объясняли этот шаг тем, что бывшее августейшее лицо нужно было охранять от населения, поэтому они спрятали Михаила в тюрьму, а на самом деле в приготовленную специально для него камеру тюремной больницы. Так, мол, всем спокойнее. А корреспондентам петроградских газет сообщили, что бывший великий князь потерял рассудок. Эту «новость» молниеносно перепечатали многие газеты и агентства мира. Судите сами: 19 марта Михаил прибыл в Пермь, а уже 22 марта о его незаконном аресте и «болезни» сообщила солидная английская «Таймс» (цитируется по книге Кроуфордов). Между тем ссыльный был в здравом уме. Выпустили его на волю только 9 апреля, после вмешательства центральных властей.

Еще и сегодня некоторые из пермских красеведов повторяют старую утку о том, что Михаил «сам виноват», потому что вел вызывающе праздный образ жизни, раскатывал на своем «роллс-ройсе», выезжал на пикники, ходил по театрам и т. п., чем вызывал неудовольствие рабочих. Вот, мол, они его и порешили.

Не было у Михаила в Перми автомобиля. Бывший личный шофер, Василий Борунов, тот был, да, он добровольно приехал за великим князем в ссылку. А «роллс-ройса» не было и не могло быть. Известно, что до октября 1917-го Михаил Александрович был одним из самых заядлых спортсменов-автолюбителей, у него имелся к тому времени один из самых крупных в России автопарков. В коллекции великого князя были «роллс-ройсы», «опель», «рено», «бугатти», «хундмобиль», «паккард», т. е. новейшие модели, некоторые изготовленные по спецзаказу. Но Михаил лишился любимых «игрушек» еще при Временном правительстве, когда жил под домашним арестом в Гатчине и Петрограде. По личным дневникам бывшего претендента на трон, а теперь гражданина Романова (хранятся в главном российском архиве – ГАРФе) можно проследить, как автопарк великого князя был описан и реквизирован в три приема.

Что касается образа жизни пермского ссыльного гражданина Романова. В театр Михаил Александрович действительно ходил, и в синематограф, и оркестр слушал в загородном саду. И церковь посещал, и в гости к своим новым друзьям Михаил Александрович вместе с секретарем Николаем Николаевичем ходил, перед ними были открыты двери домов почтенных пермских семейств Алиных, Кобяк, Тупицыных, Добротиных. А вот пикников не устраивал. О том, куда ходили и сколько километров «отмахали» во время прогулок, есть частые упоминания в личном дневнике, в его сохранившейся части (с 8 мая по 11 июня 1918 г.). Но нет ни одного упоминания о поездках на «моторе», машине.

Не упоминаются автомобили также ни в воспоминаниях современников о 1918 г., ни в допросах свидетелей, а следствие по делу об исчезновении гражданина М. А. Романова вели как белые, так и красные. Откуда же появился этот слух? А объясняется все просто: утка была запущена со страниц популярного в советские годы романа «Двадцать три ступени вниз», автор которого, Марк Касвинов, рассказав об убийстве 15 членов царской семьи, прилежно отработал право на допуск к чекистскому спецхрану, недоступному для других.

Вновь оказались подняты на поверхность и подзабытые уже свидетельства о том, что в Перми якобы проживала одно время царица с дочерьми. Этот «след» тянется от книги английских журналистов А. Саммерса и Т. Мэнголда «Досье на царя» (на нее ссылается Т. Петровская-Ха-

лили в своих исследованиях «Рассказы о старом и новом мире», изданных недавно в Нью-Йорке). Несколько опрошенных женщин показали, что еще в ноябре 1918 г. видели царицу Александру с тремя (не четырьмя) дочерьми. Говорится также, что одна из девушек бежала, была поймана и жестоко избита и водворена назад, в подвал Пермской чека. Царицу несколько раз переводили из одного здания в другое, а после 1918 г. ее уже никто не видел.

Сейчас, после всесторонней научной идентификации (надеюсь, окончательной) романовских останков в Екатеринбурге, можно сделать вывод, что документы о пермском заточении царицы, хранящиеся в «черном саквояже» в Гуверовском институте, не что иное, как фальшивка, намеренная или невольная, не имеет разницы. Возможно, за царицу пермские жительницы принимали графинь, импозантных пленниц из царской свиты. Ранее простой пермский народец путал царицу с присезжавшей на Урал ее сестрой великой княгиней Елизаветой Федоровной Романовой.

ИЛИ ПЛОХО, ИЛИ НИЧЕГО?

Нетрудно догадаться, что за все советские годы о личности Михаила Александровича Романова публиковали преимущественно негатив. По принципу: или плохо, или ничего. Совсем не упоминались, в частности, такие его бесспорные и немалые заслуги, как участие в войне, командование Дикой дивизией, широкая благотворительная деятельность и др. Попытки же восполнить картину былого, создать более-менее объективный портрет исторического деятеля немедленно натываются на противодействие историков советской школы, так сказать, железных канцлеров левой формации. Это подтвердилось во время недавней Всероссийской научной конференции, посвященной Гражданской войне на востоке страны. Один из докладчиков, повторив некоторые старые пропагандистские «кунштюки» (из приведенных выше), заявил, что в Перми ныне занимаются лишь «обожествлением Михаила Романова».

Между тем историческое исследование судьбы Михаила Александровича Романова, обстоятельств его жизни и гибели на Урале, по сути, еще в самом начале.

А ПОТОМ УЖЕ ПРИВЫКЛИ

При ликвидации царской семьи большевики проявили себя настоящими мастерами дезинформации. Что-что, а пропагандистский шлейф для прикрытия своих кровавых дел они умели пускать.

Вскоре после убийства великого князя Михаила Александровича председатель Уралсовета Александр Белобородов телеграфирует в Алапаевск Совдепу: «Прислугу Ваше усмотрение выезд никому без разрешения Москову Дзержинского Петроград Урицкого Екатеринбург Облсовета тчк Объявите Сергею Романову, что заключение является предупредительной мерой против побега ввиду исчезновения Михаила Перми Белобородов».

Что касается «дезы», опыт в подобных делах у большевиков уже был накоплен немалый.

Очень пригодилась тактика, разработанная и обкатанная в революционной Мотовилихе еще в 1917-м. Тогда большевики арестовали горного начальника Темникова и несколько ненавистных жандармов.

Гавря Мясников, который вошел в те бурные дни в состав делового совета Мотовилихинского завода, на правах полноправного члена сказал:

– Мы тебе, Иван Никанорович, воткнем осиновый кол.

Это он так шутил. Но горный начальник в «шутке» Мясникова угрозу почувствовал, и не зря. Вскоре Темников, опытный инженер, отдавший заводу всю жизнь, весь свой талант, был жестоко убит без суда и следствия. Один из боевиков напишет позже в своих воспоминаниях: *«Мы применили метод, что их украли при попытке бежать, потом пришлось делать окрики и стрелять в них... Этот метод был нерешительный, а потом уже привыкли (!). Так за Бурова (бывшего пристава, убитого „при попытке“.* – В. Г.) *меня революционный комитет хотел судить, по настойчивости и энергии мы продолжали делать расчистку от врагов...»*¹

Наработанный опыт пригодился еще раз в июне 1918-го, в ночь на Вознесение.

¹ Об этом откровению рассказывал мотовилихинский ветеран партии И. В. Зенков на встрече в честь 30-летия годовщины Октябрьской революции, протокол встречи хранится в пермском архиве (ГАНИ. Ф. Р-1595, оп. 1, д. 261). Авт.

«ИЗДЕВАТЕЛЬСКИЙ СУД»

Одна из самых крупных пропагандистских акций по сокрытию следов «преступления века» связана с так называемым судом над левыми эсерами в Перми. Упоминания об этом странном процессе время от времени всплывают в публикациях на романовскую тему.

Роберт Вильтон сначала в английской прессе, а затем в своей книге, изданной в 1920 г., упоминал это событие со ссылкой на газету «Правда». Он пришел к выводу, что определить подоплеку и цель этого «издевательского суда» не представляется возможным. М. Яхонтов «признался», что руководил убийством членов царской семьи и лично участвовал в нем. Он и еще четверо обвиняемых были приговорены к смерти.

М. Дзулнани в книге «Царская семья: Последние дни» называет этот суд «импровизационным».

Что же за судилище устроил в сентябре 1919 г. исполком Пермского совета?

По делу проходило 28 человек, которые обвинялись в убийстве всех членов царской семьи и их свиты. На скамье подсудимых оказались и три члена Екатеринбургского совета — Грузинов, Малютин и Яхонтов. Последний якобы взял на себя вину в царевубийстве, мол, все организовал сам, чтобы «бросить тень на советское правительство и на большевиков», которых Яхонтов, после подавления восстания левых эсеров в июле 1918 г., считал своими злейшими врагами. Естественно, что Яхонтов был приговорен к расстрелу. Такая же участь постигла еще четырех человек, в том числе двух женщин, «присвоивших принадлежавшие Романовым ценности».

Выходит, процесса над «кровавым царем» Николаем большевики так и не провели, но суд над его убийцами состоялся? Естественно, встает вопрос о достоверности второго процесса. Нельзя же доверять журналистским «сенсациям»¹.

Расстрел левых эсеров был лишь одной из многих расправ в рамках красного террора. Особенностью его был лишь тот факт, что информация о нем была использована для дезинформации о царевубийстве.

¹ См., например: Шеваров Д. *Народ без царя*. // *Комсомольская правда*. 1993. 16 марта.

Отвлекающий маневр с судом и признанием левых эсеров позволял решить сразу две задачи: отвести от большевиков обвинения в царевубийстве и расправиться с политическими противниками. Естественно, что эта грубая дезинформация была рассчитана прежде всего на «понимание» за рубежом.

ЛЕВ ГЕРЦ, ОН ЖЕ СВЕРДЛОВ

В архивах г. Перми никаких данных об этом процессе не сохранилось. Сообщений о суде над «цареубийцами» нет и в пермских газетах того времени. Поэтому можно предполагать, что весь пермский процесс был пропагандистской уткой. При этом встает вопрос, почему для этой дезинформации была избрана именно Пермь.

Наиболее вероятно предположение, что идею о проведении в Перми «суда» высказал и организовал лично председатель ВЦИК Я. М. Свердлов, который побывал в Перми в сентябре 1918 г. В Перми у Свердлова оставались падежные связи еще с дореволюционных времен; в период первой русской революции Лев Сергеевич Герц (Свердлов) сидел в пермской тюрьме по обвинению в бродяжничестве. Кратковременное пребывание Я. М. Свердлова в Перми сопровождалось рядом встреч с лидерами местных большевиков. Свердлов принял участие в открытии еврейского рабочего клуба.

«Тов. Свердлов сделал доклад о значении рабочего класса. В начале доклада тов. Свердлов дал характеристику развития рабочего движения и еврейства, указал на причины некоторой отсталости еврейских масс по сравнению с русским пролетариатом».

Выступление московского гостя и призывы «развивать духовные и эстетические силы, крепить политическое самосознание» были встречены «шумными аплодисментами». Встреча завершилась небольшим концертом¹.

Очевидно, что целью приезда Я. М. Свердлова было не только и не столько открытие еврейского рабочего клуба (о чем с таким торжеством писала местная газета). В Перми, крупном уральском центре, к осени

¹ *Известия Пермского губернского исполкома Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. Сент.*

1918 г. скопилось много военнопленных и красноармейских формирований самых разных национальностей. В сентябре в странах германского блока началось революционное брожение, и Свердлов, отвечавший за деятельность Федерации иностранных групп РКП, хотел «прощунать» на строения зарубежных товарищей на местах. Используя свои старые связи с уральцами, еще со времен первой революции 1905–1906 гг., Свердлов стремился наладить здесь подготовку кадров.

Одной из главных задач, которые решал председатель ВЦИК во время уральской командировки, была работа по сокрытию следов убийства членов дома Романовых. В воздухе еще витала угроза международных осложнений: Германия требовала освобождения великой княгини Елизаветы Федоровны.

Я. М. Свердлов лично и тщательно курировал все вопросы, связанные с судьбой Романовых. В 1918 г. в своих телеграммах и письмах он давал четкие распоряжения о порядке перевозки и содержания членов царской семьи и других членов дома Романовых.

ПОКАЯНИЕ... КАКИМ ОНО МОЖЕТ БЫТЬ? УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ МИХАИЛА II

В канун празднования 400-летия дома Романовых на одном из заседаний городского топонимического совета состоялось обсуждение проектов памятника великому князю Михаилу Александровичу Романову. Фактически этот разговор стал мозговым штурмом, долгожданным диалогом представителей власти, депутатов и общественности на тему покаяния и увековечения. Почему это важно именно сегодня?

В последнее время все большее распространение получает мнение, что с убийством Михаила Романова Россия упустила шанс на мирное развитие, отказавшись от формы конституционной монархии. Массовое уничтожение царской семьи, да еще в такой изуверской, разбойничьей форме, послужило стартовым сигналом к развязыванию красного террора. В ответ – белый террор, и с этого гибельного моста выход был только один – вниз, в пропасть взаимного бессмысленного, ожесточенного самоуничтожения нации.

Нужен мост в будущее.

Нужно наводить мосты исторической идентичности нации.

Выступая в июне 2013 г. в Совете Федерации, российский президент выразил мнение, что Россия проиграла Первую мировую войну из-за национального предательства большевиков. По мнению Владимира Путина, коммунисты сознательно замалчивали подвиги российских солдат в Первую мировую войну. Тогда сложилась парадоксальная ситуация: подписав позорный Брестский мир, большевистское правительство поступило национальными интересами и позволило России проиграть Германии, которая сама была проигравшей стороной. В связи с этим Путин высказался за выделение средств на поддержку некрополя в Белграде, где захоронены солдаты и 124 генерала царской армии (см.: <http://www.rosbalt.ru/main/2012/06/27/997428.html>).

В Перми слова президента России встретили с надеждой, ведь долгое время замалчивались и подвиги легендарной Дикой дивизии и ее командира великого князя Михаила Александровича. Программа увековечения памяти Михаила практически заморожена, создание историко-просветительского мемориального центра все откладывается.

Президент России дал ясно понять: никакая вертикаль власти не удержит единства страны, пока не будет восстановлена вертикаль исторической правды. Только тогда приходит понимание того, почему и как большевики, в борьбе за политическую власть, пошли на предательство национальных интересов, а затем насильственно разогнали Учредительное собрание и совершили политическое убийство его законного инициатора – Михаила Романова.

Понимание этого приходит не сразу. Какие-то предложения, идеи, прозвучавшие за круглым столом, могут показаться несбыточными, нереальными. Вспомним, однако, как за короткое время о Перми стали писать и говорить как о г. Юрятине, как о городе трех сестер. Пастернак и Чехов стали пермскими брендами, появились новые памятники, туристические маршруты, а ведь еще совсем недавно, в 1980-х гг., в Перми не публиковали ни строчки Пастернака! И о Перми было принято писать как о скучной дыре, откуда русские мальчишки и сестры обязательно должны вырваться в Москву.

Идеи о Михаиле есть разные.

Мемориал в честь Дикой дивизии в Ингушетии

Скульптор Рудольф Веденеев предложил проект памятника, на котором изображены и Михаил, и Джонсон, а поставить памятник предлагается в Разгуляе, в тюремном сквере. Мысль понятна: в Михаиле надо видеть не столько монарха, сколько гражданина, патриота-христианина и верного друга. Джонсон тоже из-за верности долгу и мужской дружбе пошел на верную смерть.

Краеведу Льву Перескокову больше нравится проект установки в центре города конной статуи Михаила Романова. Другим кажется, что на пермской земле уместнее и логичнее появление памятника идущему Михаилу, ведь он оказался здесь в положении ссыльного, был насильно спешен, так сказать. И всем, кто видел его в те месяцы, он запомнился прежде всего ходоком, широко шагающим, обошедшим весь город и окраины, от Мотовилихи до Курьи.

Интерес у присутствующих вызвало предложение назвать новый мост через Каму, который обязательно будет построен, Романовским (автор идеи – В. Гладышев).

Много надежд у краеведческой общественности, историков, романоведов и просто жителей Перми на то, что удастся создать просветительский мемориальный центр в помещении бывших «Королевских номеров». В свое время «пермский американец» доктор Владислав Краснов установил с местными добровольцами временную мемориальную доску на стене здания, которое ныне занято под театральное общежитие, а в полуподвальных помещениях сменяют друг друга различные магазинчики. Владислав Георгиевич предлагает использовать и двор здания на Сибирской улице. Поставить там друг против друга две мраморные доски с полными текстами манифеста отречения Николая и манифеста неотречения Михаила (у него всего 125 слов).

– По всей стране, – пояснил свой замысел г-н Краснов, – особенно в Екатеринбурге, внимание будет на Николае, а Пермь покажет себя выше междоусобиц: у нас будут два брата-страстотерпца в одном информационном пространстве. Другой вариант: установить две уральские глыбы, а на них чугунные доски из Мотовилихи, на которых разместить текст. И сделать это с подсветкой, чтобы и ночью читалось. В оригинальной композиции из стендов с цитатами можно будет прочесть не только цитаты из дневников Михаила, но также «евангелие» от убийц, особенно от Гаврилы Мясникова. Это и будет началом просветительского центра гражданственности и патриотизма имени Михаила Романова.

За неимением единого координационного центра по увековечению памяти Михаила Александровича в России, Краснов предложил присылать добровольческие инициативы и пожертвования по адресу главного сайта: http://www.raga.org/czar_mikhail_romanov/index.html.

Неутомимый и неугомонный В. Краснов продумал несколько проектов увековечения памяти Михаила Александровича и для Санкт-Петербурга:

установка кенотафа Михаилу в Петропавловском соборе – в напоминание того, что он замыкал цепь правителей России от дома Романовых;

создание музея в бывшем дворце Михаила на Английской набережной, 54;

установка мемориальной доски на Миллионной, 12, где Михаилом II был подписан манифест.

Дональд Кроуфорд, известный английский историк-романовед, считает очень важным делом музеефикацию «Королевских номеров», создание здесь просветительского центра. Он видит большое преимущество Перми по

Крестный ход из монастыря к Михайловской часовне

сравнению с Екатеринбургом в том, что сохранилось такое историческое здание, мало изменившееся с тех пор, как Михаил был оттуда выкраден. Писатель впервые побывал в Перми в 2008 г., когда отмечалась 90-я годовщина гибели Михаила. Он пишет об этом путешествии так: «Я отправился в этот город 10–14 июня 2008 г., чтобы принять участие в чествовании нашего героя, не зная, чего ожидать. Я был приятно поражен масштабом церемоний, тысячами людей, вышедших почтить его память. Забыт всеми? Нет, этого не скажешь о Перми, где он был убит, но где о нем многие помнят. За три дня я увидел и мощный крестный ход, и концерт, и панихиду в церкви, и научную конференцию. Все это убедило меня в том, что имя Михаила живет. И чем больше Россия узнает о Михаиле, тем больше надежды, что она сможет преодолеть пропасть между реальностью и советской версией истории».

Фактически именно этот историк создал основу для увековечения памяти Михаила, и книга супругов Кроуфорд уже есть ценнейший памятник. Дональд – один из зачинателей движения за признание Михаила